

Глава 1. Июль, 2014. Очень вежливые люди

Сумерки по-кошачьи сторожко скрадывали остатки дня, сиреневой печалью накрывая двор, огороженный покосившимся бетонным забором. В глубине за густыми зарослями скрывался от постороннего глаза приземистый двухэтажный корпус. Цикады рвали на части накрывшую эту часть города благостную тишину. Настоянный за день июльской жарой густой аромат цветов делал воздух вязким. В стоявшие вплитирку несколько легковушек и “бусик” одетые в летний камуфляж мужики сноровисто загружали ящики с продуктами и медикаментами.

— Рюкзаки, вещмешки, разгрузки, берцы у всех?

Саньч был уверен, что не у всех, да и вопрос, в общем-то, риторический: от силы минут через десять их здесь не будет и уже никто не сможет наделить их рюкзаками или вещмешками, берцами или кроссовками, разгрузками или камуфляжем. Он размотал уже не одну войну, потому для него этот вопрос был, в общем-то, психологией, прощупыванием — начнут ныть, что того нет или другого, значит, отметить надо сразу, иначе потом мо-

роки не оберётся. А промолчат — значит, главное идея, главное — задачу выполнить, а в берцах или босиком — это уже десятое. Мужики переглянулись, но промолчали, лишь Ара¹ распахнул было рот, но тут же закрыл его и обиженно засопел, получив тычок в спину.

— Всё нормально, там разберёмся, — пробасил Пух². — Да и ехать пора.

В общем-то Ара имел право напомнить о себе: из аэропорта уходил налегке, отстреливаясь, бросив эрдэ³ со всеми пожитками, собранными отцом в дорогу. Теперь на нём только наспех зашитая на плече камуфляжная куртка, футболка да линялые джинсы.

— Там раздобудешь, — миролюбиво произнёс Пух. — Либо военторг поможет, либо укры поделаются, но зипуном себе на зиму разживёшься.

Отправляясь на войну, всегда служили молебен о даровании победы в сражении, о сохранении жизни на поле брани, об избавлении от плена. Так уж заведено было предками нашими, да только в советские годы тайком всё было: зашивала мать в нагрудный потайной карманчик “Живый в помощи”, прятали нательный крестик от глаз сторонних, а в особенности от замполитовских. Но у того тоже была мама, и он тоже тайком носил чёрную ленту с золотой вязью — девяностый псалом, оберегавший его пуще партбилета от смерти лютой.

С Чечни, пожалуй, повелось преклонять колени пред образами в канун отъезда. И потянулись в храм уезжавшие на Кавказ, и замелькали кропила батюшек на перронах вокзалов да на воинских плацах, и отпевали тоже по православному обряду прежде прощального залпа.

Хотя нет, для кого-то уже с Карабаха начиналось: робко вспомнили о корнях своих, о вере вытравляемой, да так и не вытравленной. Потом всё чаще и чаще к Богу обращались: и в Приднестровье отправляясь, и в Абхазию, и в октябре девяносто третьего, когда алчность и предательство распинали совесть России, и когда корчилась раздираемая Югославия, а потом мощно пошли в храмы не по велению сверху, а по потребности духовной, когда опалил Кавказ.

Молебен перед отъездом — это традиция, а традиция это уже свято. Потому и поморщился казачина Володя с редкой, но знаковой фамилией Российский, когда Саньч ненавязчиво так, но довольно жестко отверг предложение о службе в кафедральном соборе:

— Не здесь и не сейчас. Не командировка это под звуки оркестра с городского вокзала. Традициям нужно, конечно, следовать и беречь их, но только не здесь — чужих глаз и ушей слишком уж много. Лучше где-то по пути в какой-нибудь старой церквушке с сельским батюшкой пусть служба пройдёт. И душевней будет, и суеты меньше, да и к Господу ближе. Мне так кажется.

Тон назидательный, от которого коробит, но это последнее “мне так кажется” — словно гвоздь заколотили в дубовую тесину. Это ему так, видите ли, кажется. Он, понимаете ли, решил за всех. Да ещё, видите ли, командует.

Кто-то видел его всего второй раз, кто-то впервые, но то, что именно он ставил задачу, что его знает сам Марат⁴ и не просто знает, а слушает его и соглашается, снимало все вопросы. Хотя долго еще хмурились и бросали незлые, но осуждающие взгляды. Ещё и потому, что непонятен был для них этот Дед, кто он и что он, но тон сказанного убеждал.

Молебен отслужили в сельской церкви — росошанские казаки поспособствовали. Прихожан не было — лишние глаза им были ни к чему. Молились каждый о своем, молча, в себе, за близких, оставляемых здесь, чтобы гримаса боли от потери не исказила их лица, и, конечно же, о возвращении всех и каждого, прося Господа уберечь. А батюшка, осеняя крестом, произ-

¹ Доброволец из Армении. Штурмовал 26.05.2014 Донецкий аэропорт, с сентября воевал в подразделении И. Безлера. Дальнейшая судьба неизвестна.

² Ю. Н. Кайдалов, доброволец из Белгорода (погиб).

³ РД — рюкзак десантника.

⁴ Марат Мазитович Мусин, доктор экономических наук, профессор, политолог, конспиролог, аналитик, руководитель информационного агентства “АННА НЬЮС”, писатель, секретарь Союза писателей России, специалист по проблемам коррупции и т. д.

нёе последок, что они ангелы. Ангелы — хранители России, воинство православное, и что Пресвятая Богородица их не оставит.

Саньчу подумалось: а ведь действительно воинство православное, коль не за деньги, а по зову души кров родной покинули. Разные по языку и крови, лицами разные, по цвету глаз разные, годами и жизнью прожитой разные, а вот сподобилось быть вместе, потому как всё-таки едины в обнаженной способности боль чужую чувствовать, сострадать, противиться злу. — Матерь Божья, Пресвятая Дева, спаси и сохрани сынов своих, поднявших за честь и славу России... — возносилась к образам молитва сельского батюшки, и верилось, что вернутся все, живыми вернутся, не замарав чести русского воина.

Сколько годков-то прошло? А ведь поболее двух десятков, когда вот так же провожала Саньча мать за околицу, где томился старенький “луноход” — так ребята прозвали давно списанный и чудом двигавшийся автобус — крестила и что-то шептала. Молилась, наверное, но неслышно, едва губами шевеля: так скорее Господь услышит, потому как с ним в крик разговаривать нельзя, таинство всё-таки. Зато потом даже сквозь незлобное урчание мотора слышал напутствие:

— Ты, сынок, помни, в роду нашем трусов и подлецов не было. Коли суждено, так умри с честью, а с позором домой не пуцу. Не след нам перед людьми глаза долу опускать.

Да, время пролетело, а как будто вчера. Не погас огонь разрушения державы нашей, тлел, а потом полыхнул и подступил прямо к нашему порогу. Но уж лучше нам гасить его, чем оставлять пожарище детям нашим. Невеселые мысли, не ко двору, хотя горевать рано. Печаль и уныние — грех души, а мы русские, смерть принимаем смиренно, хотя жизнь любим истово, с размахом... О чём это? Ах, да, о мыслях. Ну, что ж, думки думками, а в путь пора.

Уже когда сели в машину, суетливо поспешил из храма батюшка, держа в руках икону с ликом Святого Архистратига Михаила и едва слышно шепча:

— ...Святой Архистратиге Божий Михаиле, огради нас от всякаго зла и от бед избави нас... К тебе прибегаем с верою и тебе молимся с любовию, буди щит несокрушим и забрало твердо Святей Церкви и православному отечеству нашему, ограждая их молниеносным мечем твоим от всех враг видимых и невидимых... Буди вождь и соратай непобедим христоролюбивому воинству нашему, венчая его славою и победами над супостаты, да познают вси противляющиеся нам, яко с нами Бог и святии ангели Его. Не остави же, о Архангеле Божий, помощь и заступлением твоим и нас...

Батюшка стоял перед распахнутой дверцей в закатных сумерках, простоволосый, в стоптанных ботинках с оббитыми носами и в глазах его было столько истовой веры, столько силы, что поверили: обережёт их его молитва, обережёт...

— Возьмите с собою заступника, оборонит вас в трудную минуту. Он крепость духа и мужество даст, а врагов сил лишит. Ну, езжайте, с Богом, — и мелко-мелко перекрестил несколько раз.

Выкурить по сигарете перед отъездом — если и не традиция, то уж точно давняя привычка. На этот раз курить подле храма не стали — как-то, не сговариваясь, молча решили, что осквернять дымом даже ограду нельзя. А курить хотелось, ой, как хотелось! Накуриться бы, да так, чтобы горло продрало, чтобы горечи этой хватило до самого возвращения, а уж там от души, неспешно, с наслаждением...

Гоша¹ не выдерживает первым:

— Тормози.

“Бусик” тупым носом ткнулся в пыльную траву обочины, из распахнутой двери в загустевающую темень ночи высыпали крепкие и не очень, высокие и не очень, молодые и не очень мужики и, гоняя по кругу зажигалку, с наслаждением затянулись сигаретным дымом.

¹ Доброволец из Белгорода И. Чугреев, майор в отставке, спецназовец.

Российский Донецк встретил непривычно зябким утренником. Росная трава сразу же вымочила берцы, холодок нырнул за ворот, скользнул между лопаток, заставив поёжиться и пожалеть о спрятанном на дне рюкзака теплом тельнике. Конечно, доставать не то чтобы лень, но как-то неловко признаваться, что слабину дал, не дотерпел, пока солнышко приласкает, поэтому, хорохорясь, никто к поклажам даже не потянулся.

На востоке небо прорезалось сначала узким лезвием золотисто-красного цвета, какой бывает только в рассветную пору, затем разрослось в широкую полосу, стремительно теряющую яркость, быстро уступившую торопко выползающему из-за горизонта ярко-желтому диску.

— Яишенка, — протянул Пух и смачно сглотнул. — Ну, точно, глазунья. Сейчас бы сковородочку со шкворчащим салыем, а сверху залить парочкой-троечкой яиц да лучком зелёным присыпать...

— Пух, кончай душу травить. — Гоша давно уже слушал свой басовито урчащий живот, понимая, что не то что обед, но даже жиденский чаёк ему в ближайшее время не подфартит.

— Не знал, что душа твоя в пузе разместилась, — огрызается Пух. Сбившись в кучку, выкурили по сигарете, зябко подергивая плечами от забирающегося за ворот утреннего холодка, перебросятся ничего не значащими фразами — так, лишь бы не молчать.

Батюшка со служкой появился из сумерек как-то неожиданно. Были они почти одного роста, но шли по-разному, каждый по-своему: батюшка степенно, неторопко, твёрдо ставя ногу и глядя прямо перед собою, словно не замечая ничего вокруг. Служка семенял следом, приотстав на пару шагов и воткнувшись взглядом в светлеющую в траве тропу.

Поравнявшись с приехавшими, батюшка лишь на мгновение зацепил их взглядом и кивнул, здороваясь. Он уже привык, что время от времени у храма появляются в рассветных сумерках машины с российскими номерами, доставляя немногословных мужиков, почтительно обнажающих головы при виде его, иногда заходящих в храм, ставящих свечи и исчезающих. Навсегда ли, нет ли, он сказать не мог — не запоминал их лиц, а тем более не знакомился. Да и как их всех запомнишь, коли все одеты одинаково в камуфляж и, как минимум, с суточной небритостью на одинаково размытых сумерками лицах. Да и не спрашивал он никогда, почему они здесь и куда направляются — и так понятно, что туда, за “ленту”¹.

Он и служка прошли к храму, не обращая внимания на собравшихся у ограды, открыли запертые на большой навесной замок тяжелые кованые двери и скрылись за ними.

Курить больше не хотелось — с утра да натошак удовольствие не шибко приятное, до тошноты драло горло и слгатывалась с трудом слюна, потому сначала Саньч, а за ним и остальные потянулись в храм — проводника всё не было, и грех было не побыть наедине со своими мыслями. Вот так бывает у нас, православных: вроде бы и к Богу тянемся, да всё как-то путано, всё тропу ищем, ногой шарим, а нет бы открыть глаза и увидеть, что давно на ней стоим, только шаг сделай.

Тусклый свет едва освещал тёмные лики образов, в углах таился сгусток мрака, под сводом бродили тени и едва слышно потрескивали зажжённые служкой свечи. Кто-то любопытствовал, вглядываясь в лики икон, кто-то крестился, а Седой², достав из-за пазухи привезенную с собою свечу, зажжёт её и поставит в ряду других, перекрестившись и что-то прошептав.

Наверное, не случайно Господь сподобил их в этот предрассветный час ещё раз задуматься о бренности, о смысле и необходимости бросить уже устоявшуюся, размеренную жизнь, пусть и не очень сытную, не очень обеспеченную, но гарантированную и в какой-то мере прогнозируемую и вообще обменять жизнь (жизнь!) на смерть вдали от дома и близких.

¹ Лента (сленг) — граница.

² Луганчанин, доброволец, за участие в операциях награждён Георгиевским крестом. В настоящее время судьба неизвестна.

Из уже размытых рассветных сумерек вынырнул Марат, как всегда шумный, что-то быстро и непонятно говорящий, обращаясь ко всем сразу и ни к кому конкретно.

— Погоди, Маратик, погоди, не шуми, — урезонил его Саньч. — Скажи лучше, долго ещё здесь ждать? Торчим ведь бельмом на виду, не хватало только с местными ментами объясняться.

— “Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать”, — отчаянно фальшивя, пропел Марат и рассмеялся, приобнимая Саньча за плечи. — И вообще, откуда у парня испанская грусть, то есть донбасская? Ну, чего тебе дома-то не сиделось?

— А тебе чего? — Саньчу не до лирики — ему больше всего хотелось есть, а не слушать маратовский вокал и его профессорское разглагольствование. — Ты ещё скажи, что время выбрало нас или мы сурового времени дети. Всё это, Марат, уже сказано-пересказано, спето-перепето. Нас агитировать не надо, мы для себя выбор сделали давно. А сейчас я просто хочу жрать. И все хотят. Вот так, просто, прозаически, без всяких твоих хиханьки и хаханьки. Надо объяснить людям, почему мы здесь торчим уже полночи, а никого нет? Почему за нами никто не пришёл? Когда пойдем через “ленту”?

— Ты чё? — Марат ошарашенно смотрел на Саньча.

— Да ничё, — огрызнулся тот. — Разминка. В образ вхожу. Хотя есть, действительно, охота, аж кишки заворачиваются. Скоро там?

— С минуты на минуты.

Проводник появился ближе к шести, когда солнце уже слизало хрустальные слезинки росы и мазнуло алым по маковке купола. Конечно, не пришёл, а приехал на неизменном стареньком “жигулёнке”, раздолбанном донельзя, но ещё чудом перемещающемся. Это был всё тот же Игорь, ангел-хранитель “ленты”, давний знакомый Саньча и Марата, с неугасшей улыбкой, всё в той же знакомой до каждой штопки застиранной линиялой футболке. Они обнялись не по уже сложившейся привычке обниматься и целоваться — Саньч вообще не любил все эти внешние проявления, а потому, что были искренне рады вновь увидеть друг друга. Этот крепкий обхват плеч был как бы подтверждением того, что время не развело их, что они по-прежнему вместе, что честь и совесть для них всё-таки большая ценность, нежели сама жизнь.

Вообще-то Игорь при Советах работал на шахте, даже портрет его висел на Доске почёта, но потом шахту закрыли, жена, оставив дочь на лоха-мужа, растроялась на просторах незалежной в поисках счастья, а он подался в малый бизнес.

— Понимаешь, малый, очень малый. Так, трохи сэбэ, трохи дармоедам на переходе. Всё по-доброму, всем же жить треба. Сначала мануфактуру таскал, сигареты и ликёрку, а когда укры танки под Изварино двинули — пришлось трохи повоевать. У нас в роду героев сроду не было — всё больше алкаши да наркоманы. А вот припёрло, и сам себе не нарадуюсь. Я же самодично танк стреножил. Он только на курган заполз, и ну давай палить, а я сбоку с “граника” и достал его. Сам не пойму, как сподобилось: в полусотне шагов чудище ревёт и огонь изрыгает, грохот, ничего не соображаю, сбоку меня ополченец лежит — голову осколком начисто срезало, а рядом “граник”¹. Не помню уж, как схватил его, со страху на что-то нажал, глаза зажмурил и мордой в землю. А она, земелька-то наша, солнцем да ветрами высушенная, так польнью пахнет, горько так и пыльно, аж горло забило. Лежу, а мысль сверлит: сейчас накроет взрывом или размочалит гусеницами, а как же моя дочечка? С кем останется? Глаза открываю, а танк горит, понимаешь! Люк откинулся, из него укроп лезет, факелом пылает и орёт запыленно. Ну, я его с “калаша” и срезал. Он мне до сих пор снится. Дня три и повоевал всего, но хватило на всю оставшуюся.

Игорь не курит и не пьёт — надо дочку на ноги ставить, не до баловства. На “ленте” он свой — по-крупному не разворачивается, не чета бывшим подельникам, таскает мелкий “контрабас”, деля маржу с погранцами и тамо-

¹ Ручной противотанковый гранатомёт РПГ-7.

женниками, а те берут с него по совести, самую малость, потому как уважают за неалячство. А ещё за то, что бескорыстно переводит туда и обратно добровольцев. Игорь окинул оценивающе этот замерший в ожидании табор, качнул головой:

— Многовато вас туда.

— Лишь бы обратно счёт совпал, — негромко говорит Седой.

Конечно, приходилось ему водить и поболее, но всё чаще небольшими группами, а то и вовсе одиночек. Он никогда не спрашивал, кто они и куда направляются, никогда не старался запомнить их лиц — не хотел перегружать память этими лицами. Пройдёт время, и неизвестно ещё, чем всё это закончится, кто и с каким пристрастием будет допытываться у него вот об этих людях.

Через час он вывел их на “точку”. На пятачке, теснимом густыми, давно не знавшими пилы и топора, лесополосами, стоял песочный “Урал”, на подножке которого сидел, прикрыв глаза, молодой, давно небритый, в застиранных и вылинявших добела брюках от камуфляжа и такой же вылинявшей футболке ополченец. На ногах его были изношенные кроссовки с торчащими сквозь разодранный нос пальцами. На бедре была перехвачена липучкой открытая кобура, в которой покоился ПМ с прикреплённым к ручке ремешком. Он не разомкнул век и даже не пошевелился, когда высыпающие из подъехавших машин мужики, сбившись в стайку поодаль, с любопытством рассматривали его.

— Ну чё, пятиалтынный побачили, чи шо? — Красные от недосыпания глаза, глухой с хрипотцой голос, мелькнувшая на лице досада говорил о предельной усталости этого парня. — Давай, хлопцы, тащите свои коробки да пошустрее.

Сначала перегрузили в “Урал” привезённые медикаменты и продукты, запрессовали от души, но места всё равно для группы не осталось. Ждать, пока разгрузятся и вернутся за ними — себе дороже, потому до Изварино отправились пешком, благо рукой подать. А Игорь долго ещё стоял на краю иссушенной посадки с пожухлой и какой-то серой листвой, провожая их взглядом. “Ярославна, да и только, лишь плача не хватает. — Саныч обернулся и махнул рукой, прощаясь. — О чём ты думаешь, дружище? О том, что не может оставаться безучастной русская душа, что настало время очищения и снятия с неё окалины? Что встать бы всем миром, да только опасное это людское единство: не вытравлен дух русский годами безвременья”.

Саныч был неправ: ни о чём таком Игорь вовсе не думал и вообще далёк он был от всякой патетики. Он просто жалел, что не может вот так бросить всё и уйти с ними. Что надо успеть подправить покосившиеся ворота, что не полоты грядки и давно пора заменить сальники — маслом весь капот забросало. Думал о том, что вот ушли эти незнакомые мужики, не ведая, вернутся ли. Ушли как на работу, как он когда-то уходил со сменой в забой — каждодневный риск давно притушил все страхи. Он вздохнул и побрёл к своей “девятке”.

Саныч нагнулся, зачерпнул в горсть комочки высушенной рыжевато-серой земли, размял в пальцах камешки сухой глины.

— Чего ты землю лапаешь? — Марат в любопытстве скосил карий глаз.

— Сухая совсем, а если намочить, то пластичная становится и лепи что хочешь: хоть кувшин, хоть кирпич. А потом из него дом сложить, можно и жить. Это если водой размочить, а если кровью?

— Ну, и что дальше?

— А ничего. И кирпич формовать можно, и посуду сделать, а вот как жить в таком доме? Как из такой миски есть, если на крови человеческой глина была замешена?

— Это ты к чему?

— Да так, нашло что-то. Это земля российская, а вот эта, — Саныч делает шаг, — украинская.

— Ну и что?

— А то, что это всё земля русская, только люди границы понаделали, вроде бы для того, чтобы жизнь упорядочить, а оказалось, по живому рвали

и больше вреда наделали, чем пользы. Вот и получается, что теперь мы крадёмся на свою землю по своей земле и...

— Всё так, да только давай-ка без философии, — прерывает Марат. Он демонстративно засунул руки в карманы брюк и зашагал, догоняя грушу.

Глава 3. Встреча

Солнце уже припекало, пыльная пыль, настоящая июльская жарой, сушила горечью гортань, и хоть давно не курили, но сигареты так никто и не достал. До Изварино добрались часа за полтора, досыта насытив округу пылью, взбитой дюжиной берцев.

На окраине посёлка жадно испили колодезной воды — холодной до лоты в зубах, вернули вкус жизни, успевший подугаснуть за время перехода, устало погрузились в поджидавший относительно новый городской автобус — странно было видеть его в роли междугородного, но с весны много чего странного на Донбассе стало обыденным и до скуки привычным.

До самого Луганска в сопровождение пошло лишь “рено” с разорванным крылом и пробойнами по багажнику, с двумя молчаливыми и небритыми парнями с воспалёнными от бессонницы глазами и печатью смертельной усталости на лицах.

— И эти тоже какие-то затурканные. У них тут что, все такие? — Гоша с какой-то затаённой опаской, что и его ждут бессонные ночи, повернулся к Саньчу.

— Лучше уж не спавши, чем навсегда уснувши, — философски заметил тот. Его заботило меньше всего, что эти парни из сопровождения спали с гулькин нос. А вот то, что у них всего один автомат да пара пистолетов, ему нравилось меньше всего. Впрочем, когда тебя крошат из засады, то разницы особой нет в том, сколько у тебя “железа” и есть ли оно вообще. Впрочем, в группе всё-таки было три ножа — у Марата, Саньча да Седого! А в контактном бою нож, пожалуй, может и не уступить автомату. В общем, невесёлые мысли что-то посетили седую головушку, хотя, судя по настороженному взгляду, щупающим склоны да посадка вдоль дороги, не только его. Всё-таки на всём пути до Луганска изредка пошаливали РДГ¹ укров, поэтому даже не страх, а чувство опасности не оставляло до самого города.

На базе поджидал Фёдорович, бывший взводный “Беркута”, высокий, крепко скроенный, неторопливый в движениях, немногословный, всем видом вселяющий уверенность. Кое-кто из прибывших уже не первый раз в его подразделении, но понять по лицу — рад он им или нет — невозможно. Сфинкс, самурай, китайский император, безэмоциональная кукла — Саньч только однажды увидит Фёдоровича разъярённым, но это будет не скоро, уже в другой жизни. И всё-таки вряд ли он был очень уж рад даже ему с Маратом, не говоря об остальных: лишние заботы к чему?

Фёдорович отходит с Маратом и Камой² в сторону, о чём-то накоротке вполголоса говорят, потом подзывает коротко стриженного крепыша в разгрузке на голое тело:

— Выдай им стволы.

С крепышом Саньч давний знакомый — Лёха тоже из “беркутовцев”, нациков³ ненавидит люто, приехавшим рад — значит, будет работа, но всё равно для порядка ворчит и корчит страдальчески рожу:

— Стволы выдай! Легко сказать: “Выдай”. Где я их возьму? Так и всё разбазарить можно, а ты вот попробуй собрать.

— Ты поговори мне, поговори, — таит улыбку в уголках губ Фёдорович и подмигивает гостям — мол, это так Лёха кобенится, для порядка.

— Ты, Лёш, и девственность сохранить хочешь, и оргазм получить, — ворчит Саньч. — Ты непорочную девицу не изображай, давай делись. Надеюсь, мой “мультик”⁴ ещё не занычил? А то с тебя сбудется, проходимца.

¹ РДГ — разведывательно-диверсионная группа.

² К. М. Мусин, доброволец, москвич.

³ Националисты.

⁴ В данном случае автомат.

Лёха для порядка ворчит, но быстро отпирает огромный амбарный замок, распахивает ворота бокса, картинно хватается за голову, словно его только что прострелила невыносимая боль:

— Давайте, грабьте, дармоеды. Сюда хрен кто чего положит, а как брать, так впереди планеты всей...

Конечно, дармоеды, и в этом он прав на все сто: Фёдорович отдал им целый этаж в отдельном здании, оружие, машины, сопровождение — всё по высшему классу, а от них что? Хорошо хоть со своей провизией.

Лёха извлекает откуда-то из потаённых мест пару “макаровых”¹ в оперативных кобурах, протягивает Марату и Каме, одновременно не спуская глаз с остальных:

— Эти, в ящиках, не берите, не пристреляны, лучше вон те. И эсвэдэшку² возьмите — пригодится. “Мухи”³ лучше не трогайте — стреляют через раз.

Мужики щедро сыпят в рюкзаки патроны, суют туда же магазины, а Пух ещё вдобавок рассовывает по карманам и эргэдэшки⁴ — запасливый казачок, ничего не скажешь.

— Никак на Киев собрался, — ехидничает Саньч, но Пух назидательно, с видом бывалого, отвечает обстоятельно и серьёзно:

— В нашем деле лишнего ничего не бывает, окромя начальства, внезапно забеременевшего какой-нибудь бредовой идеей. Запас свой карман не жмёт.

Для Пуха эта война не первая, потому, не раздумывая, он выбрал “калаш”⁵ с подствольником⁶ — и в обороне, и в наступлении вещь незаменимая в умелых руках.

Лёха ныряет куда-то за стоящие вдоль стены длинные зелёные ящики, извлекает запеленатый в кусок брезента автомат и, улыбаясь, протягивает его Саньчу:

— Твой, но сомневайся, знал, что вернёшься.

— Спасибо, — Саньч обнял Лёху и ещё раз глухо произнёс: — Спасибо.

Глава 4. Луганск, грамматика войны

Утро выдалось безветренным и на редкость душным и, хотя солнце ещё нехотя карабкалось ввысь, но по всему было видно, что день зноем опалит не на шутку. Завтрак по меркам разведчиков был просто роскошным: чаем хоть залейся, правда, с сахарком как дома, а не как в гостях, зато хлеб ломтиками горбатился на столе, застеленном газетами.

Марат, с шумом потягивая чай из чашки с отбитой ручкой и приспособленной под пиалу, милостиво отпускает Гошу на “скорую” — пусть трудится по специальности. Медиков там почти не осталось, так, одни слёзы: зарплату не видели с апреля, медикаментов тоже, почувют тут же. А Гоша по натуре романтик, носится по жизни то за туманом, то за запахом тайги, так что сам Бог велел быть ему у своих эскулапов.

— Может, хоть клизму научишься ставить, — ёрничает Пух.

— Тебе я самолично ведёрную поставлю, — парирует Гоша.

— Пух, готовь группу — после обеда “грады” снимать будем, — бесцеремонно вмешивается Марат. — “Обвес”⁷ брать по полной.

— А ты куда? — с показным равнодушием, между прочим, интересуется Пух.

— Так, по городу пока покатаюсь. Мишка⁸, со мною поедешь.

¹ ПМ — 9 мм пистолет Макарова.

² СВД — 7,62 мм снайперская винтовка Драгунова.

³ РПГ-27 — одноразовый гранатомёт.

⁴ РГД-5 — оборонительная ручная осколочная граната.

⁵ Автомат Калашникова.

⁶ Подствольный гранатомёт ВОГ-25.

⁷ Обвес (сленг) — снаряжение и оружие.

⁸ Доброволец с Украины. После дебальцевской операции судьба неизвестна.

— Может, я? — Пуху маэтно сидеть в кубрике целых полдня, гонять балду и с тоской ждать возвращения Марата.

— Без сопливых обойдёмся. — Мишка важничает и уже свысока подначивает Пуха. Тот не остаётся в долгу и тычком в спину придаёт ему ускорение.

— Давай, Рэмбо, не задерживайся. Памперсы только захвати, вояка.

Разминка закончена, Марат, Алексей¹ и Мишка, гремя каблучками, скачываются вниз по лестнице.

День выдался солнечным, дышалось легко, и так же легко катилась машина, объезжая оспины на асфальте, оставленные разрывами. Водила гонял “баранку” слева направо и наоборот, виртуозно объезжая выбоины и воронки, Марат водил камерой, мысленно набрасывая сценарий будущего репортажа, Мишка глазел вовсю, вращая стриженной головой, а Алексей степенно поглаживал окладистую русую бороду. Его рассудительность и разумность помогала найти выход из самых критических ситуаций, и он служил противовесом в сумасбродстве Марата.

“Господи, тишина-то какая, даже не верится, что мир в одночасье перевернулся и смерть бредёт где-то рядом, таится, быть может, на соседней улице или высматривает вон из той подворотни. Люди, да что же вы делаете? Или понимать друг друга разучились?” — ворочались мысли в его голове, перехваченной через лоб сложенной в жгут боевой косынкой.

Машина выкатилась на перекрёсток, замерла на мгновение, словно в предчувствии беды, и тут же мины вздыбили асфальт — две легли не рядышком, а как-то подозрительно порознь.

— Вилка! — заорал заплоско Марат, — все вон из “барбухайки”!

Он и Алексей мгновенно вывалились из машины и подались к подъезду — хоть какое, но всё же укрытие. Водила едва успел приоткрыть дверцу, а Мишка и вовсе замешкался — зацепился ремнём автомата за рычаг переключения скорости, поэтому осколки враз накрыли их через обшивку.

Когда вздыбленная пыль и асфальтовая крошка осели, водитель со стоном сполз с сиденья к бордюру и сел, привалившись спиной к прошитому осколками боку “девятки”. Распластанный на дороге Мишка поднялся сначала на колени, не меняя положения и волоча за ремень автомат, на карачках с приличной скоростью перебрался под стену магазина, откинулся на неё и только тут застонал.

В полусотне метров на остановке жались в кучку несколько человек, в магазине с пола поднимались люди, а в подъезде дома напротив во весь рост стоял Марат и лыбился. Нет, не улыбался, а именно лыбился, скалился во весь рот, словно Дед Мороз ошастливил его сказочным подарком.

— Резвости вам не хватает, мужики, резвости, тренировочка нужна. Завтра повторим под секундомер. Ты, Лёш, снимай давай, кадры что надо. Сегодня же в эфир поставим: группа “АННА НЬЮС” попала под миномётный обстрел, ранены оператор и водитель. Укры расправляются с журналистами. Звучит, а?! Дадим динамику, и чтобы трагедии в голосе побольше. Эдак, с надрывом, с дрожью. Лишний раз напомним, что у нас всё по-взрослому, без постановки.

— Марат, кровью истеку, пеленай скорее! — сквозь зубы цедит Мишка, нянча руку, зажав рану пальцами, успевшими окраситься красным.

Марат сыпет шуточками, извлекая из кармана бинты и перевязывая сначала Мишку, затем водителя. Ему в кайф, что именно его группу накрыло минами — рейтинг сайта взлетит на порядок. Лёшка крутит камерой, фокусируя то на Марате, то на машине, то даст перспективу, а потом крупно, почти детально, превращенное в решето авто. Марат, закончив перевязку, важно расхаживает вокруг легковушки, тыча пальцем в пробины, потом в спину водителя и Мишкину руку: ему всё нипочём, это же журналистское счастье, такие кадры! Мина легла в аккурат позади “девятки”, развалив её багажник и осколками вспоров спинки сидений. Мишка некстати вспомнил о жене и вдруг нестерпимо захотел к ней в Крым — немедленно, срочно, сейчас. Он теперь герой, всем тычет свою раненую руку и горделиво обводит

¹ А. Гапонов, москвич, доброволец.

взглядом. Состояние эйфории, что живой остался, что смерть только обдала дыханием своим.

— Шок это, в госпиталь его надо срочно, — негромко говорит Алексей Марату.

— Отряд не заметил потери бойца, — дурачится Марат, по рации связываясь с Гошей.

— Если бы не повернулся боком, точно бы спину разворотило, вон какой кусище на сиденье валяется, — он с каким-то восхищением и затаённой радостью смотрит на тяжёлый кусок железа с рваными краями. — А так только по касательной в руку. Как думаешь, кость цела?

— Цела, цела, — снисходительно улыбается Марат. Он не скрывает радости и даже не собирается: теперь никто не упрекнёт, что “АННА” отсиживаться приехала. Впрочем, никто всерьёз группу Марата за журналистов не держит: потому что работают на энтузиазме, лезут в самое пекло, да и репортажи явная пропаганда. К тому же задаром отдают свои съёмки с одним только условием — сохранить логотип. Слишком уж нос совали мужики куда ни попадя, шатались где-то ночами, “железом” обвешанные.

— Ловко я увернулся, а? — Мишка вбил себе в голову, что он виртуоз по уворачиванию от осколков, теперь клещами эту дурь из головы не вытащить. Несмышленьш, не ведает, что это Богородица пресвятая прикрыла покрывалом своим, отведя в сторону всё смертное железо.

— Дурак ты, Миша, это же грамматика войны: есть правила, есть исключения. По правилам тебя уже архангел Гавриил встречать должен, а ты, как исключение, всё ещё здесь, — урезонивает Алексей.

Погромыхая разболтанным кузовом и хлопая не закрывающимися дверцами, приехала “скорая”, выгрузив Гошу с бригадой.

— От бешеных укуров и мины должны быть бешеными, — на всякий случай он вонзил страдальцам по полному шприцу и показал повелительно на водителя. — Этого давай в машину, тут без хирурга не обойтись, а этим займусь сам.

Гоша осмотрел наложенную Маратом повязку — придраться не к чему, бинт девственно чист, не считая проступающее алое пятно. Марат, конечно, спец, ему что часового спеленать, что раненого бинтами замотать — всё едино, кому угодно фору даст, но Гоша всё-таки скептически кривит рот:

— Шли бы вы, Марат Мазитович, лучше лекции студентам читать, а раны бинтовать — это же, блин, искусство! Это же песня! Тут такой вокал нужен! — Гоша уже весь в образе Парацельса, ловко снимает наложенную Маратом повязку и от души опрокидывает пузырёк йода прямо в рассечённые ткани руки.

— Ты что делаешь?! — орёт Мишка. — Живодёр! Тебе что курицу резать, что человека живьём йодом сжечь.

— Неужто больно? — Гоша в показном недоумении вскидывает брови шалашиком. — Кстати, курицу не режут, ей голову рубят. Топориком.

— Тебе, я смотрю, что резать, что рубить — всё едино, патологоанатом. Да что ж ты делаешь, гад! — опять орёт Мишка, скрежеща зубами и зажимываясь от боли.

— Терпи, казак, укропом будешь, — жеребцом ржёт Гоша и железными пальцами с силой ощупывает руку. — Ничего, не смертельно, заживёт, как на бешеной собаке.

— Дурак ты, Гоша, и шутки у тебя дурацкие, — успокаивается Мишка то ли от обезболивающего, то ли от задушевности доктора.

Гоша умеет сказать так, что сомнений в том, что Мишка действительно бешеная собака, никаких нет. У него просто дар утешения, особенно слова проникновенные подобрать. Вообще-то он спец, Саньч недаром его в группу взял: питерская военно-медицинская академия, кафедра военно-полевой хирургии — это ещё та школа. Служба в СОБРе, практика в двух полугодовых командировках на Кавказ. Теперь хоть и на полном пенсионе, но приходится шоферить: четвёртый брак и всё по любви, пятеро детей как итог

пылкой страсти, тут поневоле волчком закрутишься. Хозяин жадноват, но Гошу понимает и радеть его за Россию, скрипя душой, отпустил на две недели, строго-настрого приказав не опаздывать с возвращением. Любовь к родине по расписанию, в духе рыночной экономики или продажной жизни, это кому как нравится.

Гоша запикивает Мишку в фургон, из кабины уже на ходу советует Марату не лезть на рожон — с медикаментами туго, машет рукой и исчезает за поворотом.

Обстрел так же неожиданно, как и начался, прекращается. Впрочем, прекращается ожидаемо — больше десятка мин зараз укры не кладут, поэтому Марат спокойно вышагивает по улице китайским мандарином, а следом по пятам неторопливо меряет широкими шагами городской асфальт Алексей. Они сворачивают за угол, и по глазам наотмашь бьёт тёмно-красная, расплывающаяся на асфальте полоса: кровь, опять кровь, ещё не свернувшаяся, ещё не взявшаяся плёнкой, ещё тёплая, живая, дышащая, но диссонирующая с зеленью лета и даже с этой серой от пыли дорогой, выпадающая из этого простого до банальности городского пейзажа.

Взгляд охватывает всю улицу разом — так бывает только на войне, а ещё у тех, кто, сняв камуфляж, так и не вернулся с неё, по-прежнему живя в ней, отцезивая звуки, фиксируя предметы, мысленно отмечая, что вот здесь прекрасное место для засады, а тут, левее, как раз неплохо бы фугас заложить. И долго ещё будешь оставаться стрекозой с её фасеточным зрением, видя будто вкруговую, потому что всё имеет свои глаза: и затылок, и спина, и уши, и вообще каждая клеточка тела. И уже не глаза, а оно само мгновенно выбирает свободное от камней, осколков стекла, торчащей арматуры чистый кусок земли, чтобы вжаться в него под противный посвист стригущих воздух осколков. Марат и Алексей из категории не вернувшихся, поэтому сразу выхватывают из привычной картины городской улицы сжавшегося в комок человека в чёрном.

— Неужели отец Владимир? — пронзило Марата предчувствие беды. Он вчера почти час провёл в беседе с ним. Обещал и сегодня заскочить, если выдастся минутка. Вот и выдалась. Вот и заскочил.

Марат едва сдерживает рвущийся наружу сквозь стиснутые зубы стон: да, это отец Владимир, настоятель местной церкви, и это его кровь. Так и не дошёл до службы — мина вздыбила землю. Упади, укройся даже за бордюром — и осколки прошли бы мимо, но там, в песочнице, совсем рядышком возьтятся дети.

Саныч не раз замечал, что в те мгновения, когда жизнь повисает на волоске, не мозг принимает решение, что делать дальше, как не разминуться с совестью. И даже не прожитое до этого, не вложенное матерью, а какое-то повеление свыше бросает тебя на землю или поднимает в рост под пулёмётную очередь, заставляет принять в себя предназначенную другим боль, а то и смерть. И если Господь оставит жить дальше, долго мучаешься в раздумье, что же всё-таки заставило сделать именно так, а не иначе. Впрочем, мытарства души не всегда приходят на смену сделанному: ну, случилось, значит, так тому и быть, значит, так Богу угодно.

Отец Владимир не лёг, не присел — он просто остановился, подняв к небу руки, словно моля, чтобы раскалённое железо не кромсало эти детские тела. Осколок вспорол ему живот и опрокинул на землю, но он всё-таки превозмог раздирающую огнём боль, привстал на колени, оглянулся, убедился, что несущее смерть железо не коснулось детей, и пополз к храму, мертвеющими губами шепча молитвы.

Когда Марат с Алексеем подбежали к нему, он уже был мёртв. Впереди сиял золотом купол храма, позади всё так же сидели в песочнице малыши, не успев испугаться, а между ними в последнем поклоне склонился батюшка, словно отмаливая грехи сошедших с ума людей.

— Да успокоит его душу смиренную Всевышний! — прошептал Марат и чужим севшим голосом, давя в горле комок, процедил: — Снимай, Лёша, всё снимай, будут они по всем счетам платить.

Утром всех будит Дэн — его, как всегда, много, словно ввалился не он один, а целый взвод. Дэн — это легенда разведки отряда. Сам из Подмоскovie, парень крученный, с душой дважды опалённой Чечнёй, но не обуглившейся, истомился без дела и уже в апреле рванул в Луганск.

Ещё в первое знакомство Дэн на расспросы Саньча коротко ответил: — Мне батя так и сказал: езжай, мол, сын, настало время за Россию постоять. Батя у меня правильный, власть нынешнюю не жалуёт, а киевских иначе как бандеровскими ошмётками не зовёт.

Дэн бросает в чашку пакетик с чаем, заливает кипятком, отрезает ядрёный ломоть хлеба:

— Привезли пожрать-то? Надоели эти макароны, без агропрома в рот не лезут. Мне от них уже бабы давно не снятся.

Дэн — известный повеса и бретёр, не одно разбитое им сердце велел Фёдорович гнать матом от КПШ, так что насчёт баб явный перебор.

— В ящике слева возьми.

Дэн ныряет в угол, извлекает из короба банку тушёнки, довольная улыбка расплывается по его скуластому лицу:

— Вот за что я люблю вас, дураков неугомонных, так это за то, что вы всегда чаяния и нужды страждущих воинов понимаете.

Он густо намазывает тушёнку на кусок хлеба, откусывает и, блаженно жураясь, запивает чаем.

— Сутки, понимаешь, не жрали. Выползали весь передок впустую, а под завязку в селе взяли пятерых. Все нацики. Спали как младенцы, будто у себя дома. Мимо бы прошли, но храп отменный — как не разбудить? Конечно, они у себя дома, на который напали клятые москаля. Колорады. Ватники. Об этом вешал их бригадный капеллан в вечерней проповеди. Потом принял “на грудь”, расслабился с подругой и... проснулся с кляпом во рту — трусы мадам пришлись в самую пору. Это Ара расстарался, стервец. Он вообще клоун ещё тот, просто фокусник Акопян — армянская кровь берёт своё.

Ара из Еревана, торговать бы на рынке виноградом, да не смог и после Одессы рванул сюда. Его мечта поймать Авакова, потому и носит с собою его фото, вырезанное из газеты:

— Понимаешь, из всех армян опозорил, поймаю — на вертеле изжарю. У меня дед воевал, за Днепр орден имеет, отец в Карабахе руку оставил, а я отсиживаться буду?

Ара сумасбродный и безбашенный, знает в группе почти всех, но заходить опасается: между ним и Саньчем кошка пробежала ещё в прошлый раз и Саньч пообещал при случае остричь его наголо. А если он сказал, то не только подстрижет, но заодно и побреет, это факт. Поэтому по возвращении буркнул Дэну:

— Всем привет передай, — и отправился спать.

Дэн налил ещё чаю, выскреб остатки банки на второй ломоть хлеба, сытно рыгнул:

— Лепота, братцы, аж жить хочется. Война войной, а обед должен быть всегда по расписанию, — философски заметил он и продолжил: — Униат попался дебелый такой, сытый, и сразу же обозначил всех даже без интенсивного допроса: да, штатный капеллан двадцать пятой десантной бригады, но на него распространяются международные конвенции о военнопленных. Какие? Не знаю, но распространяются. Канючил — был уверен, что убьют, а наших наверняка убивал бы, попади они в плен, — слишком уж за жизнь цеплялся. Такие ущербные во всём: в совести, в милосердии, просто в жалости и чувствении. И мстят за свою ущербность жестокостью.

Дэн философ и всякий раз при случае любит порассуждать о психологии: три курса философского факультета сказываются. Жаль, конечно, что турнули — нечем было платить за учёбу, а то бы явилось науке новое светило философской мысли.

— Его и не спрашивали особо, а он давай сдавать своих сидельцев по несчастью. Что за мадам? Да из СБУ, “шарилась” по Луганску, выясняла квартиры ополченцев, сочувствующих и просто “гарные”. Ну и что, что была ночь со мною? Так ей же всё равно с кем и где, эсбэушная подстилка. Кончать таких надо. И этих двоих мочите сразу, они тоже из СБУ. Вот того, тощего, не знает, пришел ночью, когда он спал, но тоже мочить надо. Так, на всякий случай. Его? Нет, вот его нельзя, он же всё-таки священник. Ну да, с Майдана. Да, благословлял. Сначала на “беркутовцев”, потом уже на клятых москалей. Ну да, вдохновлял. Так ведь заблуждался. Лукавый попутал, а Господь нынче на путь истинный наставил. Вразумил. Будет служить иначе. Теперь за упокой ополчен... Тьфу, за здравие молитвы будет возносить. Мы же славяне, мы же одной крови. Кается. Очень даже кается. Что с ним делать? Как что делать?! Отпустить, конечно же. Все же священник. Греко-католик, униат, но в сани!

Дэн описывал допрос капеллана артистично, меняя интонацию, выкатывая глаза, мимикой лица усиливая рассказ. “Да, погиб в нём не только философ, но и артист, хотя, как сказать, как сказать, может быть, ещё всё впереди”, — подумал Саныч, а Дэн продолжал:

— Короче, притащили их в расположение, а тут Лёха подвернулся: с утра на турнике висит. Нет, ну ты скажи, дался ему это турник? Здоров же как бык, а всё железо тягает, бицепсы ни в одно хэбэ не всунешь...

— Ты про Лёху потом, давай про униата, — перебивают мужики, успевшие рассестись вдоль стола и потягивающие утренний чаёк.

— Ну, я и говорю. Подходит, значит, Лёха, смотрит пристально, потом лицо мрачнеет, скулы каменеют и перекатываются под натянутой до звона кожей желваки: б...ь, да это же тот, с Майдана. Осатанелый. В расход его пустить, да вся недолга, и за автомат шасть... Короче, передали всех в коммандатуру, пусть разбираются. Будь моя воля — я бы их всех одной очередью черканул, чтобы от них поросль не пошла. Иначе выпалывать этот чертополох ещё и нашим внукам придётся. Ну, я побежал, не хило бы вздремнуть минуток шестьсот, а?

Дэн ушёл так же стремительно и шумно, как и появился, опрокинув стул и смахнув по пути пачки с чаем. Мужики потянулись к сигаретам, закурили: может быть, Дэн и прав? Иначе косить на их веку, не выкосить...

Глава 6. Июль, 2014. Очень вежливые люди (продолжение)

За неделю вжились, присмотрелись друг к другу, притёрлись, приценились и отпустило внутреннее напряжение: свои, чувствуется кровь родная. Седой и Малыш¹ возятся на кухне — выделенный Багирой² закуток в холле с газовой плитой и двумя столами, заваленными мисками, кружками, пачками чая, кастрюлями и упаковками “ролтона”. Вообще-то мужики способны превратить в хаос любое мало-мальски приличное место, их мёдом не корми, но дай порассуждать об армейском порядке, органически, но тайно ненавидимом ими на клеточном уровне.

У Седого хохлацкие корни берут верх — не может он мириться с этим бардаком и начинает молча колдовать, сотворяя если не уют — уют это всё-таки удел женщины, то хотя бы его некое подобие. Ему инициативно помогает Малыш, и вот уже миски аккуратно сложены в стопочку, пачки чая заняли место на краю, кастрюли спущены на пол, плита яростно скоблится от нагара.

У окна расположился Кама, потягивает чай, курит сигарету и внимает отрешённо пощипывающему струны гитары Петровичу³. Вообще-то он думу думает, а сигарета с чашкой чая и Петрович с гитарой лишь внешний антураж, декорации, фон. Кама зашёл сюда со своей группой автономно, зачем и почему, никто не знает, а спрашивать не решаются — кроме обжигающего, прищуренного в лезвие финки взгляда никто ничего в ответ не получит.

¹ Добровolec, москвич, снайпер из группы Камы.

² Луганчанка, с апреля 2014-го в подразделении.

³ Москвич.

Они держатся особняком, хотя внешне доброжелательны, но его авторитет непререкаем и сразу признан всеми.

Его сила и власть ощущаются в независимом, каком-то царском посаде головы, в неторопливой манере изъясняться немногословно, но веско, в умении подчинить одним только прищуром глаз. К тому же на его голове третий день красуется то ли корона какого-то буддийского ламы, то ли замысловатый шлем. Его откуда-то приволок Дэн, и Кама за сутки был и Чингисханом, и Чингизом, и просто Ханом, пока не стал Батыем: то ли из-за кровей далёких татарских мурз, вместе с Батыем воевавших Русь, то ли из-за кажущейся беспощадности. На самом деле Кама добрейшей души человек, особенно когда в очках с изящной оправой и блуждающей добродушной улыбкой — ну точно-в-точь душка профессор, гуманитарий или даже ботаник.

Впрочем, у него тысячи лиц, с лёгкостью меняемых, да и сама жизнь как венецианский карнавал, кружащий, фееричный, захватывающий. И даже из его сухого резюме, спрятанного среди бумаг в сейфе Саныча, можно сделать захватывающий авантюрно-приключенческий роман. Редкая фактура, штучная, да только в нынешнее время в почёте всё больше всякие “Дозоры” да “Гарри Поттеры”.

Кама допивает чай, ставит чашку на стол, раздавливает докуренную до фильтра сигарету в банке из-под тушёнки и поднимает голову: всё, утренний ритуал закончен, мысль обрела свою лаконичную форму и готова к изложению. Петрович отставляет гитару к стене и подвигается ближе к столу. Удивительно, что он своими перебитыми и искривлёнными пальцами играет, да ещё как играет! У него чемпионское прошлое и тренерское настоящее — вырвал с улицы с сотню ребятишек и теперь даже из школы олимпийского резерва на его мальчишек и девчонок смотрят с интересом. Ну, а он на свои кровные собирает гуманитарку и гонит её на Донбасс. Он не в группе — просто рядом с Камой, но оружия в руки не берёт: дал себе зарок, хотя стреляет мастерски.

Придвигает стул Влад¹ — высокий, мосластый и жилистый, немногим за тридцать, откуда-то с Днепра. Он стеснителен, предупредителен и молчун редкостный — слова не вытянешь, только нет-нет да коснётся его плотно сжатых губ улыбка и озарятся внутренним светом зелёные, в крапинку, глаза. О чём он мечтает? Наверное, что вернётся в свой город, возьмёт тёплую и мягкую, такую родную ладошку сынишки в свою пятерню и отправится гулять по набережной. Что опять будет строить дома, вечерами разворачивать с отцом на расчерченном в чёрно-белую клетку поле баталии и старик будет горячиться и требовать вернуть ему ход, потом подставит ему фигуру, сделает пару-тройку неверных ходов и батя по-ребячьи будет радоваться победе. А ночью, прижав к груди жену, Влад будет засыпать под её едва слышное дыхание.

Между Петровичем и Камой втискивается Кореец². В общем-то, он и не кореец вовсе, просто либо природа пошутила, либо магушка пошалила, наградив жестким чёрным волосом, широким лицом, раскосыми глазами и коротким плоским носом. Кореец незаметен, передвигается мягко и неслышно, словно пантера, скрадывающая добычу. Он снайпер, служил в сорокопятке³, вместе с Камой на брюхе исползал всю Чечню вдоль и поперёк, потому и пришит к нему напроць, не оторвать.

Кама что-то им говорит вполголоса, потом они встают и уходят в свою комнату.

Пух по второму разу заканчивает чистить автомат, передёргивает затворную раму и делает контрольный спуск, после чего выщелкивает из магазина патроны и начинает набивать его вновь: трассер, ещё один, ещё, штуки три обычных, опять два трассера, пять обычных...

Саныч пристроился на дальнем конце сдвинутых столов и склонился над потрёпанным блокнотом. Он постоянно таскает его с собою и при каждом удобном случае что-то пишет, пишет, пишет...

¹ Доброволец из центральной Украины. Поздней осенью вернётся на Донбасс, будет воевать в разведке. С сентября 2015 года — в Сирии.

² Москвич, доброволец.

³ 45-й полк ВДВ.

Демон¹, неввысокий и худенький, совсем мальчик, сидит у самого входа, широко расставив ноги и обняв “драгунку”². Он незаметен, его вообще нет — чувствуется школа, и лишь поводит по сторонам круглыми совиными глазёнками. Почему Демон — не знает никто, но есть в нём что-то от врубелевского “Демона”: узловатые мышцы рук, непокорные выющиеся тёмно-русые пряди давно не стриженных волос, выдающих непокорный и страстный характер, какой-то демонический глубинный взгляд тёмно-карих глаз.

За “компом”³ колдует Алексей, фильтруя отснятое за сутки. Его задача — отобрать самое выразительное, подготовить текст и сбросить всё в Москву. На лбу испарина — задача не из лёгких. За каждым кадром — чья-то судьба, за каждым кадром пережитое, дорогое и до боли понятное, но надо, чтобы было понятно и тем, кто будет смотреть. И не просто понятно, а чтобы зацепило, вывернуло наизнанку, заставило оторваться от сытости и от зашоренности, понять, что вот оно, горе-то людское, рядом совсем, ещё чуть и опалит самих, а то и сожжёт.

Седой заканчивает уборку на кухне, берёт швабру и начинает елозить ею по полу. Шварк, шварк — трёт тряпка местами стёртые добела половицы, и в такт маятником покачивается его спина вперёд-назад.

На первом этаже хлопает дверь, кто-то бежит по лестнице, прыгая через две ступеньки, и вот уже в холл врывается Марат:

— Всё, братцы, быстро вниз, машины ждут. Сегодня нам дельце подкинули — пальчики облизешь!

Ясно, как день, что насчёт пальчиков, это, конечно, перебор — не дастархан же ждёт, а вот к земельке приложиться придётся, видимо, и не раз, обнимая её, родимую, пуще женщины любимой, лапая, целуя и истово шепча:

— Господи, спаси и сохрани! Господи...

Глава 7. Июль, 2014. Мужские забавы

Конечно, никто в штабе никакого дельца Марату не подкидывал — сам приступом взял Бугрова⁴, и тот, морщась как от зубной боли, махнул рукой: — Езжай!

Сегодня ему втемяшилось ловить “бродяг”⁵, аж трясётся от азарта: кочуют по Луганску призраками неведомые машины, выпуская по две-три мины и растворяясь на улицах города. Кто они? Чьей рукой направляются?

Фёдорович решительно против: знает, чем заканчиваются такие встречи, но всё же со скрипом соглашается — что с ним поделаешь, с этим оглашенным, с этим неистовым профессором, который вместо вузовской кафедры шарится с автоматом по Донбассу.

Марат — это стихийное бедствие, лавина, землетрясение, цунами, смерч, засасывающий в воронку всё и вся. И сразу же закружилось, завертелось, замелькали расовываемые по карманам разгрузок рожки, гранаты, бинты, звякнули антабками “калаши”, взметнулись надеваемые уже на ходу броники⁶.

Марат казался многоруким Буддой (братец Батый, он Будда — вот компашка подобралась!): он плеснул в тарелку постное масло, отхватил кусок хлеба и обмакнул его, сыпанул на него горсть сахара и сунул в рот, налил, расплёскивая, кипяток в чашку, в спешке сунул туда вместо пакетика чая палец, заорал, схватил пистолетную протирку размешать, нырнул в броник — и всё это одновременно.

¹ Доброволец из Старого Оскола. В ноябре уйдет в Донецк, дальнейшая судьба неизвестна.

² Снайперская 7,62 мм винтовка Драгунова.

³ Компьютер.

⁴ Министр обороны ЛНР О. Е. Бугров, объединивший разрозненные подразделения и начавший строительство армии, в марте 2015-го был арестован и отправлен в Россию.

⁵ “Бродяги” (сленг) — разведывательно-диверсионные группы.

⁶ Группа имела несколько бронжилетов 5-го класса защиты.

Фёдорович выделил оружейника Лёху с “таблеткой”, которую тот не променял бы ни за какие коврижки. Лёха хохлил и лелеял свою “барбухайку”, как успел её на афганский манер окрестить Саныч, пичкал всякими побрякушками, нужными и ненужными штучками. В фургоне всегда лежала пара автоматов, “граник”¹, цинк с патронами, аптечка — целый полевой госпиталь, два новеньких баллона, реквизированных у бывшего местного авторитета, запас воды и продуктов. В общем, Лёха, бывший главстаршина атомной подводной лодки последнего советского призыва, привык к полной автономке. Он коренной луганчанин, после дембеля подался в милицию, служил в ГАИ, но служба там пришлась не по душе и он до самого Майдана посвятил себя “Беркуту”. Уже рассаживаясь по машинам, Саныч строго наказал Пуху и Седому:

— Никаких подвигов, ваша задача беречь Марата при любых обстоятельствах, иначе будет разговор с Батыем.

С Батыем объясняться ни у кого никакого желания не возникало даже в мыслях, поэтому мужики согласно кивнули и полезли в машину Марата.

В два часа пополудни две группы Марата заблокировали тентованную “газель” во дворе дома, перекрыв выезды. Пух свалил ударом приклада выскользившего из кабины крепкого парня в камуфляже, опрокидывая на асфальт, прошёлся по лицу для пущей убедительности давно не щипанным берцем, рассекая его от подбородка до брови и глуша малейшие попытки остальных к сопротивлению громовым рыком разъярённого льва. За дюжину лет в СОБРе Пух проделывал такие трюки при задержаниях на раз-два.

— Всем лежать, порешу!

Он был настолько убедителен, что двое остальных распластались, закрывая голову. Марат светился: такая удача привалила!² Вообще в этот день фарт любил Марата истово, с какой-то обречённостью, словно в последний раз, как любят перед неизбежным расставанием.

Ближе к вечеру взяли корректировщика. Сначала Марат считал ложившиеся то на автобусной остановке, то на площадке детского сада, то прямо у входа в магазин взрывы, высунувшись из-за угла дома и пытаясь вырваться из цепкой хватки Пуха, держащего его за рукав куртки и увещевавшего, как расшалившегося малыша:

— Марат Мазитович, осколки посекут.

— Как думаешь, где он сидит? — напрочь игнорировал просьбу-предупреждение Марат, стараясь лягнуть ногой Пуха.

— Вон в той пятиэтажке.

— Почему?

— Смотри, все разрывы можно засечь только оттуда. Если вон с той высотки, то не виден магазин, а если с углового дома, то детского сада.

— Резонно, — замечает Марат и командует: — За мной!

Они дворами перебежали к старенькой хрущёвке, поставили у входа Демона с эсвэдэшкой³, а сами бросились на чердак, оставляя на каждой лестничной площадке кого-то из группы.

На чердаке царил полумрак, клочьями висела паутина — значит, кто-то уже прошёл сквозь неё, пахло сухим помётом, кошками и ещё чёрт знает чем, валялся хлам и обрезки досок. У окна притаилась согнутая фигура с мобильником в руке.

— Вон он, — прошептал Пух, сдвинул корпус на метр вправо, чтобы в створе броска не было ничего, что могло зацепить ногу, и в три прыжка оказался у окна.

С чердака корректировщика катили до самой двери подъезда, придавая берцами ускорение на каждой лестничной площадке. Это был тот самый момент истины, так любимый операми, разведчиками и контрразведчиками,

¹ Ручной противотанковый гранатомёт РПГ-7.

² Задержанные к вечеру были освобождены по личному распоряжению главы республики. Собранная группой информация легла в основу решения о его смещении, но назначат следующего, более управляемого и алчного — таковы законы жанра: чем ущербней, тем послушней.

³ Эсвэдэшка (СВД) — 7,62 мм снайперская винтовка Драгунова.

когда пленный или допрашиваемый ещё не очухался, ещё подавлен и уже понимает, что это всё, конец, но ведь так хочется жить и где? где?! где?! та спасительная ниточка, за которую ухватиться бы?

Алексей снимал, Лёха рвал затвор и рычал, Марат смахивал со лба струившийся пот и скалил в улыбке зубы — такая удача! Саныч напирал, засыпая вопросами: откуда? сколько иудиных сребреников получил? как с ним расплачивались и кто? кому передавал? — Пух изображал крайнюю свирепость и под натянутой на скулах кожей перекатывались желваки. Конечно, выражение лица Пуха располагало к откровенности, и через пять минут пред группой в пыли сидел раздавленный и выжатый мужик, жалкий в своей обречённости. Местный, русский, с соседнего квартала, там квартира, жена и двое ребятишек. Жить не на что, вот и согласился, когда на улице незнакомая тётка подошла. Думал подзаработать и махнуть в Россию, счастья искать. А если в его квартиру? Если жену и детей в куски наведённой им миной? Пожимает плечами и молчит. А что отвечать-то?

— Бабушка приехала, — удовлетворённо констатирует Пух: видно, зачитывался “Моментом истины” или фильм смотрел, но, во всяком случае, его эрудиция оценена по достоинству.

Мужика заталкивают в фургон, везут в военную полицию, протоколируют и отправляют в комендатуру. Лёха тщательно моет пол в фургоне:

— Возишь тут всякую нечисть, хоть батюшку каждый раз зови, — ворчит он.

Усталость наваливает, пеленает, тянет в койку: снять бы берцы, вытянуть бы ноги, потянуться бы с хрустом и спать, спать, спать...

Молва о Марате и его группе растекается по Луганску, словно крути по воде от брошенного камня: самим президентом присланы, неспроста это, с ними лучше не связываться...

Глава 8. Июль, 2014.

Над всей Луганщиной безоблачное небо... Однако “град”

Поднимались тяжело, сказывалось напряжение прошедшего дня. Седой уже на ногах — успел приготовить чай, разложить по куску хлеба и по три кусочка сахара — ну, хохол он есть хохол, зажимает остальное, про запас держит.

Группа Батыя вернулась под утро, поэтому все стараются не шуметь, хотя из-за плотно закрытой двери их комнаты доносится мощный храп: намалялись за ночь ребята, отдохнуть бы им. Марата уже нет: и когда только спит эта эклектическая смесь профессорской вальяжности и высшей степени авантюризма? Уже допивали чай, когда он появился — с хитринкой во взгляде: наверняка что-то затеял, неутомонный. Марат выливает в себя чай, на ходу дожёвывает хлеб, обводит взглядом своё воинство и остаётся доволен.

— Так, мужики, сейчас едем работу “градов” снимать. Ночью разведка засекла позиции укров, и надо их предать матушке-земле — пусть получают то, за чем пришли.

— Ночью, говоришь... — Саныч задумчиво смотрит в окно. Почему мы всегда ищем что-то за окном или в углу, пытаемся сосредоточиться или напуская глубокомыслие, да такое, что весь скудный запас серого вещества начинает выпирать на лбу? — Так уже утро и давно они позиции сменили.

— А я тебе говорю, что стоят там же, ждут нас, — упрямится Марат, и бесенята пляшут в его прищуренных глазах.

Фёдорович опять выделил Лёху с “барбухайкой”. Лёха демонстрирует праведное негодование: ему что, делать больше нечего, как таскаться с этими отморозками? Он что, вертухай¹ последний или начальник вооружения? А кто будет доделывать “мессера”?

“Мессер” — это его детище: на “таблетку” водружена сваренная из листов стали будка, к бокам которой приделаны по РПК², с каждой стороны,

¹ Охранник.

² 7,62 мм пулемёт Калашникова.

пропущенные под будкой провода выведены в кабину, где установлен электропуск, сцепленные по две ленты аккуратно уложены в будке, и осталось только испытать это чудо его технической мысли. Но Фёдорович неумолим:

— По возвращении и испытаешь, а сейчас езжай, не теряй время.

Лёха, чертыхаясь почём зря, лезет в кабину, но слившаяся воедино длинная пулемётная очередь сбрасывает его с подножки на асфальт. То ли что-то не так подсоединили, то ли просто недодумали с синхронизатором, но его “мессер” трясётся в эпилептическом припадке, превращая гаражные ворота в дырявый плетень. Вообще-то хорошо, что сработали оба сразу, а если бы один? Наверняка машину стало бы раскручивать влево, как раз туда, где забиралась в “уазик” вторая группа. “Мессер” откашлялся последними патронами и затих, становясь белёсым от оседающей пыли. Лёха бросается к ошалевшему от выстрелов долговязому худому парню, пытаясь достать до его вислого носа своим кулачищем, но рост не позволяет: Лёха широк в плечах, да росточком не вышел. Второй испытатель, втянув голову в плечи, стартует к казарме: уж лучше этот шквал гнева переждать под каменными сводами.

Лицо Фёдоровича идёт пятнами, но он сдерживает себя и лишь машет рукой: с такими Кулибиными до победы не доживёшь.

— Потом поговорим, — цедит он сквозь зубы и идёт к командирскому джипу.

За городом туман растекается парным молоком по балкам — припозднился что-то, пора бы и растаять.

— Какие к чёрту “грады”, да и стрелять они не умеют. Понабрали детский сад, каждый мнит себя Наполеоном. Укрыв надо РДГ¹ щучить ночью, когда спят, сурки. Разведчики хреновы: засекли позиции! Да где там они засекли, небось, в посёлке самогон всю ночь глушили, а придумали сказки братьев Grimm. Да раз засекли, так мочите, — Лёхе надо выплеснуть злость: пережить прилюдно такой конфуз со своим “мессером” выше его сил.

Саньч с ним согласен на все сто, надо работать тихо и по тылам, а так, наскоками, это забава для взрослых дядей: сначала одни выложили пакет², потом приехали другие и тоже отметились. Пинг-понг какой-то получается.

— Они по координатам работают, — поясняет Марат, но Лёха уже закусил удила:

— Какие координаты?! Да они в третьем классе таблицу умножения в уборной скурили, Лобачевские! Они же по навигатору по городу ездят, дорогу никак не запоминают!

— А зачем тебе “мессер”? — перебивает Саньч.

— Как зачем?! — Лёха просто шалает от такой дремучести. — Выскочишь на передок, как пройдёшь вдоль всей линии, и огоньком их, огоньком! Цимус!

— Да? И как же ты собираешься ехать вдоль фронта, боком, что ли? — ехидничает Дед.

— Почему боком? Обыкновенно, передом.

— Так у тебя же пулемёты с боков закреплены и вперед направлены, а укрыя, получаешь, с фланга.

Лёха задумывается на секунду, потом чешет потылицу и смеётся:

— Недоработка, заплутала инженерная мысль в лабиринтах моего серого вещества. Видно, много его, запуталась, но дорогу всё равно найдёт. Вот вернёмся — спарку³ на турель поставлю. Слушай, а может, турель на каждый ствол поставить? А в будке боковины вырезать, чтобы вращению не мешали. Хотя нет, не пойдёт, ленты наперекос в приёмнике станут и заклинит.

Машины сворачивают в степь, катят по грунтовке, поднимая едкую пыль, сразу ободравшую гортань, спускаются в заросшую высокой овсяницей балочку и останавливаются ждать “грады”. Туман незаметно слизало солнце, оставив лишь зыбкое марево, поднимающееся от разогреваемой земли. Где-то заливаются птахи, трещат цикады, и ничто не напоминает

¹ Разведывательно-диверсионная группа.

² Боезаряд “града”, 24 снаряда.

³ Спаренный пулемёт (сленг).

о гуляющей рядом смерти, ежедневно, словно оброк, забирающей жизни. А может, это как раз и плата за наше безрассудство, за нетерпение — нам бы скорей и сразу, за нежелание понять, за молчание.

Сначала появляется тентованный “уазик”, затем батарея “градов” — стареньких, обшарпанных, но бодрящихся сто тридцать первых “ЗИЛов”. Машина тормозит, высовывается недружелюбный дядька лет эдак за сорок в выгоревшем камуфляже:

— Мусин? Следуйте за мной. Как только отработаем — сразу срывайтесь и руки в ноги, иначе накроют. Ни пуха.

— Что значит, ни пуха? — Пух картинно возмущается, вызывая оживление. — Не, без Пуха вас, братцы, опциплот, как моя бабка своих кур, когда они вишняка брожёного наклевались...

Пух намерился уже поведать историю про бабкин конфуз, но “грады” торопливо вскарабкались на пригорок и рассыпались в нитку — вышли на исходную.

Машины сразу развернули на обратный ход, выскочившие ребята взяли на прицел ближайшую посадку, а Марат с Алексеем ринулись было вперёд, но вылезший из “уазика” старший запрещающе махнул рукой:

— Снимай, где стоишь, Бондарчук, а то не видать тебе “Оскара”.

Он достал планшетку, что-то быстро наговорил в рацию, установки рывкнули, мелко задрожав и прочертив огненные стрелы, вздыбленные клубы пыли укутали их и почти добрались до места, где залегла группа. Пронзительный вой снарядов сводил с ума, но Марат, привстав на колено, с упоением снимал.

Всё заняло не больше минуты, старший нырнул в “уазик”, и он, взвывая, крутнулся почти на месте и рванул по просёлку, оставляя резкий запах подгоревшего сцепления и облако рыжей пыли.

— Марат, сваливаем, — Пух привстал на колено, но Марат с упоением водил камерой, пытаясь максимально охватить панораму.

— Уходим, Марат, уходим, — Саньч потянул его за полу куртки. — Укры тоже не на пьяной козе деланы, непременно “ответку”¹ прищлют.

Репортаж “АННЫ НЬЮС” о работе луганских “градов” показали все центральные каналы, обесцветив логотип.

Глава 9. Июль, 2014

Группа фронтового информационного агентства “АННА НЬЮС” вне государства. Они сами по себе. Ордена и медали, звания и лампасы получают другие. Ну, и хрен с ними! Они — Россия! Они русские, даже если в жилах течёт армянская, татарская, украинская, чувашская или мордовская кровь. Их привела сюда совесть, их привела сюда боль и страдания людские. Они не сдадутся. Они будут сражаться всегда и везде, до последнего вдоха.

Андрей² матерится и выключает “ящик”. Бедные несчастные сыны Украины. “У наших детей нет бронезилетов!” — вопят их матери и жёны. А если есть? Тогда что, можно убивать? “У них нет воды! У них нет еды! У них нет патронов!!” А если бы были? Сдаются, уходят в Россию. Для чего? Чтобы вернуться обратно и вновь убивать?

— Стрелять их на хрен, стрелять, — цедит сквозь зубы Андрей. Он доктор, ехал сюда блаженным, а теперь скрипит зубами и в ночи вскрикивает. Что ему снится? Может, разорванные тела матери с малышкой на углу у “Гастронома”? Или посечённые осколками и убитые старики из разбитого снарядами дома престарелых, которых он вместе с ребятами грузил в машины накануне? А может, кровавый след ползущего отца Владимира со испорченным осколком животом? Их-то за что убили? Не воевали они вовсе, может быть, и на референдуме-то не были — так, обыватели, которым всё равно с кем и за кого. А может быть, потому и убили, что не сделали свой выбор? Потому что сорняком на обочине по жизни шли? Да разве в этом их вина?

¹ “Ответка” — ответный залп по месту, откуда производилась стрельба.

² А. Логвинов, доброволец, белгородец, врач областного диспансера.

Рождённую Майданом без повивальной бабки ЛНР, с так и не перерезанной пуповиной, весь апрель и май кроили и перекраивали комбаты и комбриги, атамань, батьки и всякие вожди и вождики на глазах впавшей в кому местной власти, пока не превратили её в лоскутное одеяло с зияющими прорехами. “Заря”¹ отхватила самые лакомые куски, приделась, заматерела, но не насытилась. Засел в “избушке”² Леший, особняком держался Бэтмэн со своим ГБР³, устанавливал социальную справедливость “Призрак”⁴, от Перевальска и до самой границы правила бал казачья вольница⁵, а в Краснодаре перехватил железной хваткой дороги к границе непокорный Фома⁶. Но не было той силы, железной волей способной собрать в единый кулак этих чапаевых и щорсов, пархоменков и сиверсов. Хотя нет, она всё же была, там, за “лентой”, но тоже боялась этих людей, способных умереть непокорёнными. Думали ли они, что будут отданы на закланье, как и вся идея свободы? Идея социальной справедливости под названием Новороссия.

А власть на местах оставалась прежней, исправно служа себе и Киеву, с опаской косясь на вооруженный люд. Обыватель и подавно терпеливо ждал, надеясь пересидеть лихое время. Но случилась Одесса, потом ставшие привычными расстрелы городов, и дорога на Краснодар превратилась в пульсирующую артерию, проталкивающую колонны машин, автобусов и просто пеших к границе, словно загустевающую кровь.

В июле начал крестовый поход Киев, закатывая гусеницами непокорные города и посёлки, руша храмы. Танки заутюжили Новосветловку, вышли к Изварино, с высоток в упор расстреливая беженцев, и единственная ниточка в Россию звенела натянутой струной, готовая порваться. Корчился от боли непокорный Донбасс, забытое слово “беженцы” вновь стало осязаемым опустошёнными детскими глазами и потемневшими от горя лицами матерей, и вновь маршировали на Восток карательные батальоны. Как тогда, почти семьдесят лет назад — “дранг нах остен”, неся новый орду — порядок галичан, вышестованный Западом. Захолустье Австро-Венгерской империи не захотело стать равным среди равных и теперь мстило своим освободителям — холуи всегда остаются холуями.

Территория свободы, неразберихи, анархии и мечты скукожилась до размеров заплатки на неказисто скроенном и трещащем по швам кафтане этно-территориального недоразумения под названием Украина. Наверное, оттуда, из сорок первого, было отчаяние, ожесточение и клочковское понимание, что отступать некуда, что если не здесь, на Донбассе, и не сейчас, в середине лета, то больше нигде и никогда. История дала последний шанс осознания себя русскими, носителями великой истории великой нации.

Будет ли когда-нибудь написана страница этой отчаянной битвы? Будут ли помнить имена тех, кто отстоял Новороссию летом две тысячи четырнадцатого или они будут преданы забвению, оставшись ватниками, колорадами и террористами? Во всяком случае, они уже сотворили себе памятники грудой искорёженного и сожженного железа карателей. Они, пассионарии, уже остались в памяти людской, но их было мало, ой, как мало, песчинки в море равнодушия и выживания. И всё-таки они были, они остались, они будут.

Глава 10. Июль, 2014. “Скорая помощь” Гоши

...Водила тормозит резко, как будто налетает на препятствие. Гоша летит вперед, стучается лбом о стойку, ушибает колено и свирепеет:

— Ты что, дрова везешь!

¹ Батальон “Заря”, подразделение В. Болотова и И. Плотницкого, их “преторианская гвардия”.

² Здания СБУ и Банка, место дислокации спецбатальона “Леший” А. Павлова.

³ Группа быстрого реагирования А. Беднова. Убит 1.01.2015.

⁴ Бригада А. Мозгового. Убит 23.05.2015.

⁵ Казачья подразделения атамана Н. Козицына.

⁶ Отдельная бригада особого назначения (ОБРОН) “Одесса” А. Фоминова (“Фома”). Арестован 10.01.2015 МГБ ЛНР.

Но водитель здесь ни при чём. Он сидит, вцепившись пальцами в баранку, и бледность заливает его вдруг осунувшееся лицо. Из высочившей из боковой улочки легковушки выскальзывает рэмбо местного разлива и “ксюха”¹ упирается в капот “скорой”. Все цепенеют: ствол плавно описывает дугу, щупая каждого в салоне: одно касание пальца оставит от всех только наштигованный свинцом бифштекс.

Гоша в прошлом боксёр, поэтому реакция мышечной памяти на выброшенный навстречу удар быстрее мозга.

— Не стреляй! У меня пятеро детей! Я хочу жить!! — заплотшно причитая и размазывая несуществующие слёзы, наплывает он на качающийся ствол, отсекая своим телом готовую сорваться очередь от машины. Это напоминает ритуальный танец мангуста перед изготовившейся к прыжку коброй: корпус слегка раскачивается, ноги пружинят, полусогнутые в локтях руки выставлены перед собою, словно толкая невидимый тяжёленный комод.

Дальше был техничный хук, оторвавший берцы ополченца от асфальта, недолгий парящий полёт и глухой звук падающего тела. Отлетевшая в сторону “ксюха” звякнула затворной рамой о камень и камертоном отражённый звук заплутал в кустах. Вылезший из “скорой” водитель, угрюмый дядька лет пятидесяти, на отяжелевших и плохо слушающихся ногах подошел к уже севшему на пятую точку ополченцу, сгрёб его куртку на груди в горсть заскорузлыми пальцами с чёрной каймой под ногтями, легко оторвал его от земли и по-крестьянски, сплеча, с надеждным хвканьем саданул куда-то в область уха. И вновь непродолжительное планирование и мешковатое несгруппированное приземление защитника отечества.

Не отстал и фельдшер, уже сбросивший оцепенение, и, понося последними словами ополченца, его близкую и дальнюю родню, власть прежнюю и власть нынешнюю и почему-то Обаму, как-то неумело пнул пару раз нектати ретивого бойца.

— А ну прекратить! Что здесь происходит? — из резко затормозившего джипа выскочили трое. Высокий, с пристёгнутой липучками к бедру открытой кобурой и в армейской футболке, прищуренным взглядом окинул поле короткой схватки, замершую посреди проезжей части “скорую”, стоящую поперёк легковушку, размазывающего по лицу кровь бойца, Гошу в несуразном белом халате, не сходящемся на груди и с рукавами по локоть, фельдшера и водителя.

— Что случилось, Михеич? — он повернулся к шофёру “скорой”.

— Да выскочил тут, понимаешь, этот фрукт, автоматом тычет, дорогу перекрыл, вот и поучили уму-разуму, — водитель полез в карман за сигаретами. — А не хрен права качать. Даёте оружие всяким...

— Ассиметричный ответ, — добавил Гоша, блеснув знанием теории нового поколения войн, и на его круглом, пышкой, лице праведное негодование уступило место ожиданию: родительский гнев обрушится не на его голову. Не узнай этот приехавший Михеича, ещё неизвестно, чем бы всё закончилось.

— Так? — высокий повернулся к бойцу. — И чего тебе, родимый, в жизни не хватает? Может, пару котлет на ужин? — Звонкая оплеуха качнула ополченца, и он, как нашкодивший ребёнок, зашмыгал носом. — Садись в машину, а ты отгони его колымагу в подразделение, — кивнул он одному из охраны. — Ладно, мужики, бывает...

— Бывает, — соглашается Гоша.

Михеич бурчит до самой больницы, искоса с уважением поглядывая на Гошу. Ему, конечно, всё одно при какой власти баранку крутить, но вот этим-то что дома не сидится? Свои-то порекнули кто куда: кто в Киев, кто в Россию, лишь бы подальше от всего этого сумасшествия, а эти всё едут и едут. Ведь за бесплатно едут, да ещё всякого добра с собою везут и задарма раздают. Нет, непонятки эти добром не кончатся.

¹ “Ксюха”, “сучка” (сленг) — АКС-74, 5,45 мм автомат Калашникова со складывающимся прикладом.

Саньч с Алексеем и Андреем с утра увязались за группой Дэна — тот обещал вывести на передок. Марата “отшили” сразу — разведка дело тонкое и шума не одобряет, а с этим неугомонным впросак попасть как два пальца... Он же беду любую как магнитом притягивает.

Машину спрятали в балке за речкой, сами перешли её вброд и вплотную подобрались незамеченными к степному хуторку — два десятка притулившихся у речушки пришибленных, будто нуждой, домишек, сложенные из пластушки и песчаника забурсы, покосившиеся палисадники, деревья с блёклой листвой, ощущение запустения и безысходности.

Дэн поднимает руку — внимание! — указательным пальцем поводит вправо и влево от себя, раскрывает пятерню и машет — вперёд! Всё понятно и без слов: на всякий случай бойцы веером рассыпались вдоль улицы и жмутся к заборам. Дистанция пять метров — есть шанс остаться живым, если впереди идущий ненароком заденет растяжку, флажок сдвинут на одиночный огонь, палец рядом со спуском на скобе.

Андрей астматически пыхтит, пот под бронником лётся струями. Обвес килограммов на двадцать, а то и больше. Хотя нет, это у остальных, а у Андрея, пожалуй, все сорок: насовал дюжину магазинов вместо четырёх, сотни три патронов россыпью в рюкзак, санитарная сумка, подсумки с гранатами, фляжка, нож, бинокль...

Дэн скалится:

— Никак Новый год встречать здесь собрался? Ты бы ещё...

Что ещё должен был захватить доктор для полного счастья, он досказать не успеваает: раздавшийся за спиной шорох волчком разворачивает его. Мужик в женской кацавейке маячит в проёме калитки, вытягивая шею. Ещё мгновение, и лежать бы ему бездыханному на пороге собственного дома, но Дэн в доли секунды схватывает взглядом и пустой двор, и редкий садик, и подгнившее крыльцо, и этого одинокого мужика. — Ты кого тут скрадываешь, могиканин? — с плохо скрываемой злостью цедит сквозь зубы Дэн, но мужик отвечать не торопится.

— Оглох, что ли?!

— Оглохнешь тут с вами, а заодно и онемеешь, — ворчит мужик. — Глухонемым прожить легче в нынешнее время, а ещё лучше слепым, чтобы не видеть всего этого. Вы чых-то будете?

— А ты, случаем, не бандер ли ждёшь, дядя? Небось, хлеб-соль уж приготовил, а?

— Может, и приготовил бы, да только не из чего, — под нос бубнит мужик. Разглядев георгиевские ленточки, светлеет. — Ну, так бы сразу и сказал, а то заладил “бандера, бандера”. У меня самого сын в Алчевске у Мозгового.

Дэн немного успокаивается.

— На хуторе есть кто?

— С вечера какие-то околицей проходили, но не разглядывал — боязно, а так никого. Правда, в крайней хате с неделю назад беженка поселилась с мальцом, но сегодня не видать её. Ушла, наверное.

Может быть, и ушла бы, если бы успела. Она лежала на спине, раскинув руки, и из распоротого живота вывалились на пол внутренности, облепленные зловещими зелёными мухами, а наплывшая из-под неё огромная лужа крови забурела, загустела и покрылась матовой плёнкой. На белёной стене синим было выведено: “Слава Айдару!” и “Смерть сепаратистам”.

— Краской написано. С собою, что ли, носят? — Саньч внимательно разглядывал надписи. Он старается говорить ровно, обыденно, но волнение глушит голос. Ему не по себе, и он едва сдерживает неимоверное желание выйти, выбежать, вырваться скорее во двор.

— Нацки, их почерк, — глухо обронил Дэн. — Поймать бы да кишки на шею намотать, а ещё лучше прилюдно вешать. Я их вообще в плен не беру, и они это знают. Похоронить бы надо. Поищи во дворе лопаты, может там, в сарае, есть, — бросает он молодому парню.

— Хорошо бы документы найти, — заметил Саныч и двинулся к столу. Он уже хотел обойти кучу тряпья, лежавшую как раз между столом и шкафом — могли ведь и растяжку поставить, да только торкнулось сердце и ноги сами остановились.

— Лучше не трогай, — посоветовал ополченец.

Саныч осторожно стволом автомата приподнял рваньё, внутренне сжимаясь в ожидании взрыва. Сначала показалось личико, бледное и чумазое, с зажмуренными глазёнками, потом ручонки, поджатые колени...

— Мужики, пацан!

Мать закопали в саду. Лопату не нашли, могилу вырыли ножами, желтовато-серую землю вычерпывали худым ведром, кое-как прикрутив дно найденной проволокой. Документов так и не нашли.

Вёрст пять до машин шли молча. Малыш тоже молчал, накрепко обхватив ручонками, и вжимался всем своим исхудавшим тельцем. Автомат Саныча нёс Дэн — он так решил, надеясь, что если напорются на укров, то, может, и не будут стрелять в безоружного Саныча, пока на его руках малыш. Всякого навиделся, а уразуметь не хочет: мать не пощадили, а то какого-то ватника. Эх, Дэн, хороший ты малый, да, видно, мало тебя ещё жизнь тёрла, раз не вытравила ещё веру в людей. — Они нелюди, Дэн, им всё одно кого, лишь бы было в кого, — перекатывает желваки Саныч. — Изводить их надо под корень.

— Нет, и среди них тоже люди есть, — стоит тот на своём, но как-то неуверенно.

Алексей так и не снял распластанное на полу тело, укутанного тряпьем малыша, этот покинутый людьми хуторок. Впрочем, он и не жалел, хотя понимал, что Марат такого кадра ему не простит.

Глава 12. Август, 2014. Сепаратисты, ватники, колорады...

Марат с группой ушли утром — как всегда, обещал настоящую работу, будто всё, чем занимались до этого, — забава для детей дошкольного возраста. Саныч остался на хозяйстве — повреждённое накануне плечо болело так, что кетанол был бесполезен. Пытался писать, но строка не ложилась. Снимать расположение и бойцов Фёдорович напрочь запретил.

Батый со своим войском опять где-то шастал всю ночь и теперь дрых, что называется, без задних ног. Интересное словосочетание: спит без задних ног, как будто есть передние ноги. Попробуй перевести иностранцу — да у него мозги набекрень съедут.

Первым выполз Влад, высунулся в окно, втянул в себя утренний, не разбавленный запахами воздух, потянулся с хрустом и ушёл на зарядку.

Саныч перемыл посуду, вымыл полы, выкурил сигарету и, вздохнув, принялся делиться с блокнотом виденным — вдруг когда-нибудь что-то да получится.

Зашла Багира, заспанная, с размазанной вокруг глаз краской, села рядом, закурила.

— Чё пишем?

— Роман, — отшутился Саныч.

— О чём?

— О жизни.

— А что о ней писать? Жизнь она и есть жизнь, у каждого своя, а чужая кому интересна. Ты вот лучше для меня напиши и про меня.

— Почему лучше?

— Так хоть я прочту. Сам посуду: был у меня свой бизнес на этом вот заводе, достаток, муж, квартира, машина, дочка с зятем, вторая в Москве учится. Теперь что у нас в остатке? Машины нет — миной разворотило, бизнеса тоже нет — кому сейчас краска нужна? Да и работать некому, разбежались все. Мужа тоже нет — он теперь в Киеве в депутаты лезет, вышиванку нацепил, какие-то корни запорожские придумал, сказочник, а по-украински дуб дерево. Да какой он казак? Прадед курский, в голодный год на шахты пришёл, прабабка вообще из вологодских, окала до самой смерти. Сто годков

прожила при ясной памяти и светлом уме. Рукодельница была знатная, да только детям не передалось. Дед всю войну прошёл, всё перед пионерами выступать любил. Бабка тоже заслуженная, учительницей всю жизнь проработала. Отец на автобазе баранку крутил, мать медсестра в больнице. Теперь они его на порог не пустят, щирого украинца, не простят, что с “Айдаром” связался. Вот и вся родословная.

Багира прикуривает новую сигарету.

— Дочка из Москвы ни шагу: сдалась мне ваша незалежная, вы там все с ума посходили, а я не психиатр, чтобы лечить. Пусть вас Путин лечит, он это может. Про отца слышать не хочет, да и он тоже. Старшая с мужем в Харькове, у них там своё кино. В квартиру наведываюсь — не растащили бы. Сама вот здесь, а дальше что? Майдан всё перевернул, развёл, искорёжил. Ты вот из начальства, видать, ты мне ответь, как жить дальше будем?

— Да, нет, Багира, не Майдан вас перевернул — корёжили все два десятка лет, потому как сами особо не возражали, смирились, думали каждый на своей кухне отсидеться. Майдан это лишь гнойник, нарыв, вскрытый искусным хирургом, только не для лечения — убрали кусок распухшей ткани, и выперла такая же, гнилая, вонючая, алчная, ставшая доживать ещё здоровые клеточки. Да, жрёт Украину саркома этносоциального нацизма, жрёт с апетитом, а что дальше? Самому бы знать. Эх, Багира, закрутил тебя водоворот, а вот на какой берег выбросит, ещё вопрос, — Дед задумчиво крутит в пальцах сигарету, мнёт, но не закуривает.

Багира докуривает до фильтра:

— Хочешь, на обед борща сварю?

Вот оно, женское и материнское прорывается, не прикроешь их никаким камуфляжем.

— А капуста есть?

— Найдём.

При слове “борщ” появляется Батый: рефлекс собаки Павлова. В профессорских очках, с остатками сна на лице, детскими ямочками на щеках. Впрочем, одна ямочка — след осколка и, как результат, онемевшая щека. Он сыпет в таз привезённую картошку, достаёт из ножен нож и начинает чистить. Дед ставит на плиту огромную кастрюлю и присоединяется. Растёт гора очисток, белой горкой выпирают из воды начищенные клубни. Возвращается Влад, ему придвигают миску с луком — приобщайся, болезный. Из глаз текут слёзы, но он стоически переносит выпавшую участь. Появляется Багира, уже умытая и накрашенная — баба она и есть баба, хочется выглядеть привлекательной даже в этой опостылевшей форме. Да, знатный борщечок будет. Мясо бы, да где же его взять, опять тушёнкой обойдёмся, хотя навар не хуже.

Запах щекочет ноздри, кадык ходит вверх-вниз, сглатывая накатывающуюся слюну, сосёт под ложечкой. Батый колдует над кастрюлей, снимает пробу и радостно кричит:

— Готово! Наливай! — и тащит дымящуюся кастрюлю на стол. Саныч разливает по мискам, и вот уже ложки дружно молотят. Багира улыбается: какое же это счастье, кормит мужиков, даже чужих.

После обеда все расползаются по своим комнатам спать — впрок бы выспаться, когда ещё голова встретится с подушкой. Саныч вышел во двор, бесцельно пошатался и уж собрался возвращаться, как появилась Багира с высоким симпатичным парнем:

— Вот, это тоже для романа. Экземплярчик что надо: это он, гад, кашу майдановскую заварил, а теперь к нам сбежал. Знакомьтесь, это журналист из Москвы, а это Шаман. Самый что ни на есть сепаратист и ватник.

Багира шутит, но Шаман оправдывается:

— Да не заваривал я никакой каши. Нас много там было, на Майдане, надоело на этих братков смотреть, устроили жизнь по понятиям. Сначала царковский Кравчук¹ со своей маленькой хатынкой в Канаде, потом комсомолец Кучма, любитель игры на гитаре, кирпачный² Ющенко, одержимая Юля,

¹ Первый президент Украины, бывший секретарь ЦК КПУ по идеологии.

² Лицо в оспинах (укр.).

шестёрка Янек... Не спорьте, стопроцентная шестёрка, назначенная на паханы. Назначенцы, смотрящие, хотя каждый раз думали: а вдруг этот не такой, как прежде? За их спинами одни и те же стояли, за ниточки дёргали, между собою грызлись, всё по понятиям. Янек дебил конченный, стал руку дающую грызть, вот и получил салом по сусалам. Присядем, а то неудобно как-то? — Шаман кивает на скамью у входа. — Вы о чём пишете?

— Да так, — Саньч пожал неопределённо плечами. — Я вообще-то с Маратом. Давай на “ты”, ладно?

— С каким Маратом?

— “АННА НЬЮС”, слыхал?

— С Мусиным, что ли? Так он у меня интервью на Майдане брал. Я тогда ещё в образе революционера был, гордый от собственной значимости: как же, творец истории. А ведь кандидатскую по истории Французской революции писал, знал судьбы Марата, Робеспьера, Демулена, знал, что однажды проливший кровь ею же и захлебнётся... Ничему нас история не учит, а она дама мудрая. Вот теперь бы сказал, что нынешним гоп-стопникам Янек и в подмётки не годится. Люмпены сознания, а холуй во власти — самое страшное, что может быть. Эти власть не для того брали, чтобы отдавать. Людей немерено положат, да что людей — они для них навоз, удобрение, они Украину сожгут и на пепелище сидеть будут. Шизофрения полная. Ахметка с Фирташем¹ локти кусают — их тоже метёлкой погнали. Хотя не до конца ободрали.

— А ты чего с Майдана-то майнул?

— Когда “беркутят” жечь стали под фашистские да бандеровские марши, словно тумблер щёлкнул в голове. Ладно, это психоз толпы, это объяснимо, но вот оболваниться сами захотели. Не сразу, но дошло, пытался своих друзей образумить — никто не слушает, а потом и вовсе рассорились, даже в СБУ стукнули. Сейчас очи долу, а тогда меня ватником обозвали. Понимаешь, эти маргиналы с Галичины решили, что они первозданные украинцы, а мы на ступень ниже. Ну, а после Одессы бросил всё и сюда уехал.

“Опять Одесса как точка невозврата, — подумал Саньч. — Почему кровь как лакмусом высвечивает, пробуждает? Нас тоже октябрь девяносто третьего просветил, а до этого овцами за баранами шли и радовались: блеять дозволено”.

— В Киев мне дороги нет, только на танке. Тоскую, конечно, старики остались, жена, дочка, работа, но не мог высидеть, понимаешь? Сначала звонили, теперь нет — боятся.

Шаман замолкает, носком берца катает камешек, подбирает слова:

— Как-то не думал, что все мы, украинцы, разные. Считал, что славяне же мы, одной крови... Да не в крови дело, по вере разрыв прошёл, по совести, по терпимости, по культуре, по гордости. Много ещё по чём, но только не по крови. Сербы тоже одной крови с хорватами и боснийцами, а вера давно развела их. А вообще во всём Россия виновата: двадцать лет отгораживалась, под американцев да немцев ложила, нас с белорусами гнала, а теперь виноватит. Границ понаделали, всё тын городили, нет бы валюту единую да экономику, а то всё взрывает да врозь. Вот и ломают пальцы по одному. Завтра батьку в шею погонят, а потом и за вас возьмутся...

Он снова замолкает и снова носок берца катает камешек: влево-вправо, влево-вправо...

— Чем здесь занимаешься?

— В пресс-центре пока, но не задержусь, надоело осанну петь. Хочу к Мозговому перебраться или к Дрёмову, у них хоть идея, не то что у этих: всё отнять и Плоте в карман переложить.

Они ещё долго говорят, потом Шаман спохватывается, бросает взгляд на часы:

— Пора мне, хотелось бы с Маратом повидаться, сильный он мужик, заряжающий. Ну, как Бог даст, авось свидимся. Привет ему передавай, может, помнит.

¹ Украинские олигархи Р. Ахметов и Д. Фирташ.

Не удалось свидеться: через неделю Шамана застрелили в Луганске из проезжавшей белой “Нивы”.

Глава 13. Август, 2014. Проздравёрстка

Целый день провели на передовой. Солнце обдавало жаром, как в преисподней, выбеливало и пятнило футболки и “разгрузки” выходявшей потом солью. Водой, как всегда, не запаслись: торопил Марат, поэтому пришлось обходиться тем, что давали бойцы.

К ополченцам второй роты добрались как раз под аккомпанемент разрывов. Те залегли на дне расширенной под будущей блиндаж воронки, наивно полагая, что снаряд в одно и то же место дважды не ложится. Ложится, да ещё как ложится!

В воронку свалились с ходу, тесня и наступая на лежавших. Скученность под обстрелом — вещь довольно неприятная. Марат ложиться не стал и стоял, широко расставив ноги и ехидно вопрошал:

— Планету тискаем? И чем же землячка пахнет, дегустаторы?

Пух яростно тянул его за полу куртки, уговаривая лечь, но Марат был искренне уверен, что эти взрывы его ну уж никак не касаются. Пух изловчился, подскёк ноги Марата и, свалив его на самое дно, прижал к земле, прохрипев Седому:

— Держи его, а то Кама сделает нам полный кирдык.

Последний взрыв вздыбил бруствер, срезал осколками сухие былья поляны, обдал кислым запахом сгоревшего тротила и щедро сыпанул мелким крошевом.

— Однако, — несколько ошарашенно протянул Марат, отряхиваясь, — а ведь могло бы...

Что могло бы быть, ясно было и без слов, поэтому Пух просто пообещал:

— В следующий раз убью сам.

После полудня Марата известили о предстоящем обмене пленных, и он умчался с частью группы — не упускать же такой шанс, пообещав забрать остальных к вечеру. Саныч остался у ополченцев: плечо, чёрт возьми, который уже день изводила сверлящая боль. Как свяжется с Маратом, так обязательно жди беды: прошлый раз левая рука, теперь правая — видно, для симметрии. Ладно, чего же Бога гневить, хорошо, что так. Видно, ангел покрывало убрал, не уберег. А может, наоборот, восточку шлёт: утомонись, старик, пора и остепениться?

Ополченцы приволокли печку — что-то вроде самодельного мангала, поставили варить макароны: под ложечкой сосёт, время обеда. Со стороны украинских позиций донеслось бляенье и потянуло дымком.

— Мясо жрать будут, — зло сплюнул небритый, в годах, ополченец с позывным Шайтан. — И где это они барана надыбали? Никак у кого-то из местных реквизируют, бродяги?

Ополченцам насильно брать у населения ничего не велено, а покупать не за что, вот и перебиваются тем, что подбросят из города. Шалят, конечно, не без этого, но так, по мелочи: война давно вычистила все запасы, подгрела по сусекам дочиста, хотя и до войны люди жили не очень-то и сытно.

Санычу становится неловко: свалились, как снег на голову, да ещё с пустыми руками. Надо бы ребятам подбросить что-нибудь, когда вернётся на базу. Хотя что он может подбросить из не менее скудных запасов группы: те же макароны да чай, ну и несколько банок тушёнки, если Дэн ещё не уволок к своим разведчикам. Ополченец спохватился: видно, понял его думки и успокоил:

— Да у нас этого добра навалом, — он кивнул на ящик макарон, пригнувшийся под растянутым тентом куском рваного брезента. Саныч сорвал травинку, зажал между зубами и оцупал взглядом степь до самых укровских позиций. Некошеное разнотравье придавило жарой, распарило в духмяный и дурманящий, с горчинкой, запах. Упасть бы лицом в этот ковёр и лежать бы, лежать, лежать... И где-то у самого уха будет надрываться цикада,

а в небе стремительно рассекает стриж, словно истребитель... Истребитель... Почему истребитель? Ах, да, истребитель, конечно, истребитель. Какие еще сравнения могут быть на войне?

— А может, мясцом разговеемся? — Саныч уже прокручивал шальную мысль.

— Это как? — шесть пар глаз с надеждой уставились на Саныча.

— А укры поделятся, — как бы между прочим произнёс Саныч, всё так же гоняя травинку в зубах.

— А-а, ну-ну, а мы думали... — гасла в глазах надежда, и отворачивались головы.

— Да нет, я серьёзно. Вы здесь уже давно, притёрлись друг к другу, разведка через вас не ходит. Считай, родные совсем. Вы же не ждёте гостей отсюда? Вот и они не ждут. Это темнота настораживает, а сейчас день, жара, расслабуха полная, к тому же обедом заняты.

Головы поворачиваются, во взглядах уже пляшут бесенята. А что, чем чёрт не шутит? Саныч уже пожалел о сказанном. Это было полное безумие: белым днём, открытой степью, пусть и рассечённой пологими балками с редколесьем, навряд ли с минами и растяжками, лезть под неминуемые пули. И всё ради какой-то баранины, гори она синим пламенем? Сумасбродство, полное сумасшествие. А что, неужто до этого разумом отличался? Не замечено что-то, вечно тянет куда-то, Че Гевара недоделанный. Но обратного хода не дашь, не попятышься, никто ведь за язык не тянул.

На позицию укров вышли часа через полтора по дну почти пересохшего ручья, обогнули неглубокой балкой, рывком преодолели оставшиеся два десятка метров чистого поля, и свалились на головы обедавших. Солдаты, шеи цыплячи, глаза голодные, замызганные и зачуханные — ещё те защитнички нэзалэжной. Ополченцы, хоть и тоже тощие, но против них пожилистей, покрепче будут.

Ополченцы шумно втягивали в себя дурманящий запах наваристой шурпы, едва не захлёбываясь обильной слюной, словно голодные псы.

Баран был тощеват — не успел нагулять жир, не сезон, но раз пришли, то отказываться грех. Разделили щедро — солдатам оставили шею, лопатку и заднюю ногу, остальное сунули в мешок, прихватили автоматы — избавили от искушения в спину пальнуть, забрали из мобильных аккумуляторы и заторопились обратно.

Шайтан напоследок обернулся к сержанту:

— Не к тётце на блины приехали, войны, не расслабляться. Запомни: если во главе баранов стоит лев, то бараны тоже будут львами, ну а если баран, то и львы заблеют. Понял? А вообще шли бы вы домой, хлопчики, мы тут сами как-нибудь без вас проживём. А будете наших баранов жрать, ждите наш продотряд. Короче, продразвёрстка, понял?

Все дружно кивнули, а сержант бросил руки по швам:

— Так точно, понял. Товарищ... господин... пан... — сержант замаялся, не зная, как обратиться к Шайтану.

— Ладно, сынок, валяй запросто. Чего хотел?

— Мы, это, без автоматов, того... Что начальству сказать?

— Да так и скажите: пришли ватники, навалили по первое число и автоматы забрали. А чтобы правдоподобнее было, сами друг другу фингалы поставьте. Понятно?

— Ага, — с облегчением выдохнул сержант, повернулся к своим и что есть силы врезал стоявшему с краю долговязому бойцу.

Марат вернулся к вечеру, как и обещал. Вернулся с почерневшим лицом, потухшим взглядом, со вселенской усталостью в опущенных плечах и непривычно шаркающими шагами.

— Они передали калек, понимаешь? Калек: у кого кисти отрублены, у кого пальцы, все избиты, а наши отдали их солдат целёхонькими, даже нациков отдали. Зачем? Ну, скажи, зачем?! Перед кем хвост пушим?

Эти кадры модератор к показу запретил, как содержанье сцены жестокости. Страусы, голова в песок: убивать можно, говорить об этом нельзя.

Проснулись по привычке рано, шумно и весело завтракали, подначивая друг друга. Пух Седому подсунил намазанный горчицей хлеб, тот хватанул и замер, багровея, с распахнутым ртом. Возмездие ждать себя не заставило, и вот уже Пух орёт дурным голосом: Седой подменил чашку уже остывшего чая на кипяток. Марат сыпанул в чашку Кама соли вместо сахара, но не на того нарвался: Кама стойчески переносит пытку вкусом, в растяжечку выписывает, закуривает и победно обводит всех взглядом: учитеcь, мелочь пузатая, как надо переносить тяготы и лишения. Батый есть Батый, покоритель империй, и наказание должно быть неизбежным: как только неугомонный Марат, привстав, тянется за хлебом, стул незаметно отодвигается и профессор шлёпается на пол, вызывая взрыв хохота.

— Как дети малые, — укоризненно качает головой Саныч и предусмотрительно отодвигается к окну: тыл прикрыт, фронт и фланги под пристальным взглядом. Он в образе мудрого аксакала, никаких шуточек себе не позволит, хотя... Он незаметно меняет флэшку на новую на ноутбуке Алексея, пока тот пошёл за второй чашкой чая. Возвращается, стряхивает пальцами крошки хлеба из своей русой бороды, с шумом отхлёбывает большой глоток и в недоумении пальцы прыгают по клавиатуре.

— Марат, всё пропало! — испуганно кричит он. — Всё слетело!

— Что пропало? Куда слетело?! — подхватывается Марат и едва не ныряет в экран.

— Твикс, сладкая парочка, — констатирует Саныч, но закончить не успевает:

— Это он! Это всё он!! — орёт Марат, тыча в него пальцем.

— Он заменил флэшку! — кричит Алексей.

— Бей супостата! — подхватывается Марат и гонится за ныряющим в комнату Санычем.

Возня, сопение, хохот:

— Я щекотки боюсь!

Наконец всё успокаивается, моется посуда, подметается пол. Потянулись часы в ожидании команды:

— На выход!

Ожидание пуще неволи, а слоняться без дела и того хуже, это с армии известно каждому. Саныч уж хотел хоть чем-то нагрузить каждого, но Кама великодушно машет рукой:

— Пусть расслабятся, когда ещё придётся...

Заходит Валера, бизнесмен из Москвы. Для него группа Марата — окаязия, поэтому просит взять с собою. Вообще-то чужие глаза ни к чему, но Марат готов облагодетельствовать каждого:

— Ты только не опаздывай, — говорит он. — А то ждать не будем.

— Замётано. Во сколько выезд?

— Да кто же его знает, — задумчиво тянет Марат. Действительно, кто знает, во сколько откроется окно на “ленте”, на чём ехать, что с дорогой...

— Тогда я мигом, за вещами и обратно.

Он торопится к двери, и уже слышен топот его берцев на лестнице. Саныч давно заприметил, что москвичей здесь по плотности на один километр удивительно многовато. Разные: кто не наигрался в страйкбол, кто от забот сбежал, кто себя проверить решил. Кто просто авантюрист и искатель приключений, но таких всё-таки меньше. Большинство такие, как Ведун и Алексей — идейные, стержневые, с хребтом не переломанным.

— Никому ты там не нужен, — тоскливо делится по возвращении Валера на рассказы Саныча. — Там же не друзья — одни интересы: даже пища выпить да потолковать по душам не с кем. А здесь не мои “бабки” и связи нужны, а я сам нужен, понимаешь? Я здесь личность! Нет, не Валерий Павлович, это я там, у себя в офисе Валерий Павлович, а здесь боец второго взвода с позывным Барс. Здесь другая жизнь, настоящая, мужская...

Изменяет война человека, ой как изменяет. Месяц назад приехал вальжным, с солидным животиком, оттопыренной губой а-ля Муссолини

и взглядом свысока: я в теме, а вы ваще кто? В первую же ночь он понял, кто есть кто и кто здесь ваще. Теперь он поджар, резок в движениях, бескомпромиссен в суждениях. Каково ему будет возвращаться к той, прежней, жизни, если повезёт? Уезжать ему не хочется, но отпуск пролетел в одно касание, словно моргнул. Давай, Валера, езжай, расскажешь там своим, может, с кого окалину и сдерешь.

— Да, братцы, последний денёк, — задумчиво тянет Мишка и сладко жмурится.

— Не последний, а крайний, — веско поправляет Пух и поднимает вверх палец. — Никогда не так не говори.

“Теперь они все спецназовцы, словечки спецназовские, лихость, бравада, даже кураж — всё спецназовское, снаряжение спецназовское, — мысленно замечает Саньч. — Господи, ну как пацаны, право, в войнушку заигравшиеся. Бородатые дети, шалят, бесятся, а война-то настоящая...”

— В спецназе всё иначе, — наставляет Пух. — Тут и девиз, знаешь, какой? “Не спрашивай, сколько врага, спрашивай, где он”. У нас, у казаков, тоже так.

Пух втягивает живот, расправляет плечи, выпячивая грудь, но ловит смеющийся взгляд Саньча и, улыбаясь, сдувается. Он всё-таки не утерпел и сунул Седому пару кирпичей в сумку. Вот попыхтит, хоть и невелика тяжесть, а всё же!

Он не знает, что Седой давно обнаружил их и тихонечко переложил Пуху. Но этому бугаю всё нипочём, даже не почувствует и привезёт их домой, а жена, разгружая сумку, найдёт их и в недоумении распахнёт взгляд:

— Это что?

Пух рассмеётся: вот гад, Седой, обскакал-таки:

— Это для фундамента. Новую жизнь строить будем.

Не успеет: полтора года спустя Пух, наш верный боевой товарищ Юра Кайдалов, наш бессменный спутник почти во всех бросках за “ленту”, погибнет.

Выехали за час до сумерек и за два до комендантского часа: в ночь Фёдорович не отпустил.

— У Макса на базе подождёте. Стволы там оставите, так ехать спокойнее, да и сопровождать вас у меня людей нет, и так измотаны до предела...

До войны проскакивали от Луганска до перехода в одно касание, теперь же дорога заняла добрые полтора часа — разбита вдрызг.

— У нас уже уборочная закончилась, а тут поля даже нетронуты, зерно осыпалось, — уныло замечает кто-то.

— Ага, словно баба перезрелая, завянет — никто и не заглянет, — с горечью шутит Гоша.

— Мины, — поясняет Олег из военной полиции. — Тут этого добра понапыкано щедро, и наши старались, но, в основном, укры. Неделю назад сунулись было, да два комбайна подорвались, до сих пор ошмётки валяются: разминировать-то некому.

На “ленте” какой-то сбой и надо ждать утра. Ну, ждать так ждать, не впервой. Солнце уже успело слизать росу, когда появился Макс:

— Всё, “окно” открыто, можно двигать.

— Это же надо: триста лет прошло, а всё по-прежнему — Пётр окно в Европу рубил, мы в “окно” домой возвращаемся, а когда через двери-то научимся? Или так и будем шмыгать то в окно, то в форточку? — в никуда с горечью произносит Саньч.

— Не кручинься, старик, мы теперь непременно с парадного входа зайдём, — утешает Кама.

За “ленту” Макс не идёт — дальше проводят Багира, Олег и Дэн, загрузят гуманитарку и вернутся. Он сосредоточен, говорит отрывисто, крепко жмёт руку и уходит.

Через полтора месяца он вновь будет встречать и провожать группы Марата и Камы. В конце января Саньч глубокой ночью на пробирающем до костей морозном ветру передаст ему медаль, и он сунет её небрежно в карман, обнимет:

— Лишнее всё это, вот пожить бы ещё не мешало. Ты лучше мне отсрочку привези...

Саныч тогда заругается на него: дурацкие шутки и сам дурак, а Макс рассмеётся. Неужто предчувствие? Так он и останется в памяти уходящим в ночь с улыбкой на красивом мужественном лице. Две недели спустя он погибнет при штурме Чернухино. Останутся жена и дочка, а отец уйдёт в ополчение. В мае его вместе с подразделением разоружат и отправят домой за ненадобностью.

На прощание фотографировались, обнимались, жали руки, улыбались. Улыбался Дэн, но как-то невесело. Улыбалась Багира, тая грусть. Улыбался Олег, но тоже как-то протокольно. Они оставались. Для них война продолжалась.

Марат доволен, балагурит:

— Нет тех вершин, что мы не взяли, и нет тех дел, что мы не завалили. А сколько ещё впереди!

— Вершин или заваленных дел? — уточняет Саныч.

— Заваленных вершин, — смеётся Марат.